

Фернан БРОДЕЛЬ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И КАПИТАЛИЗМ, XV-XVIII вв.

Том 1. СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Глава 1. БРЕМЯ КОЛИЧЕСТВА

Материальная жизнь — это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи — пишу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов — словом, все, что служит человеку, — не единственный способ ощутить его повседневное существование. Численность тех, между кем делятся богатства земли, тоже имеет при этом свое значение. И внешний признак, который сразу же, с первого взгляда, отличает мир сегодняшний от человечества до 1800 г., — это как раз недавний и необычайный рост численности людей: в 1979 г. их в мире великое множество. За четыре столетия, охватываемые этой книгой, население мира, несомненно, удвоилось; зато в нашу эпоху оно удваивается каждые тридцать или сорок лет. Вполне понятно, что это следствие материального прогресса. Но в прогрессе этом самая численность людей в такой же мере причина, как и следствие.

Во всяком случае, она представляется нам в качестве великолепного "индикатора», подводя итог успехам и неудачам. Численность людей сама по себе намечает дифференциальную географию земного шара: здесь континенты едва заселенные, там — заселенные уже с избытком, здесь — Цивилизации, там — еще первобытные культуры. Она определяет решающее соотношение между разными массами живущих на земле людей. И что любопытно: именно эта дифференциальная география зачастую претерпевает наименьшие изменения от вчерашнего дня к сегодняшнему.

Но что, наоборот, изменилось, и изменилось совершенно, — это самый ритм роста населения. Сегодня это непрерывный подъем, более или менее быстрый в зависимости от общества и экономики, но непрерывный. Вчера же — это подъемы, затем спады наподобие сменяющих друг друга приливов и отливов. Это чередование, эти демографические приливы и отливы суть символ жизни минувших времен; следующие друг за другом спады и подъемы; причем первые упорно сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным, Бесспорно, начинать следует с людей. А затем придет время поговорить и о вещах.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА:

ЦИФРЫ, КОТОРЫЕ ПРИХОДИТСЯ ВЫДУМЫВАТЬ

Беда в том, что даже сегодня мы никогда не знаем точную численность населения мира: колебания оценок достигают 10%. Так насколько же несовершенны наши знания о численности населения мира вчерашнего! Но ведь как для краткосрочного цикла, так и для долгосрочного, как на уровне местных реальностей, так и на огромной шкале реальностей всемирных — все связано с количеством, с колебаниями численности людей.

СИСТЕМА ПРИЛИВОВ И ОТЛИВОВ

С XV по XVIII в. население то увеличивается, то уменьшается и все изменяется. Если людей становится больше, происходит и увеличение

производства и обмена; расширяется земледелие на целинных, лесистых, болотистых, гористых землях. Наблюдается рост мануфактур, увеличение размеров деревень и еще чаще — городов; возрастают масштабы передвижения людей. Усиливается и конструктивная реакция на давление, вызываемое ростом населения: это неизбежно. Конечно, наблюдается и рост войн и столкновений, набегов и разбоя. Раздуваются армии или вооруженные отряды; больше, чем обычно, общество порождает нуворишей и новых привилегированных. Процвествуют государства, представляющие одновременно и язву, и благодеяние. И предел возможного достигается легче, нежели всегда. Таковы обычные признаки. Однако не будем безоговорочно превозносить демографические подъемы. Они бывали то благодетельными, то вредоносными. Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, какими оно располагает, изменились. Попутно оно преодолевает «критические точки»¹, и каждый раз вся его структура оказывается под угрозой. Короче говоря, движение никогда не бывает простым и однозначным: возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась — тем, что возможности общества прокормить людей оказываются недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в., и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран. И тогда определенный предел повышения благосостояния оказывается непреодолим. Ибо, усиливаясь, демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают и без того всегда внушительное число недоедающих, нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостаточным питанием, между спросом и предложением рабочей силы, и эти очень жестокие коррекции образуют сильную сторону эпохи Старого порядка.

Если необходимы какие-то конкретные данные, касающиеся Запада, то я отметил бы длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один — с 1450 по 1650 г. и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду, — с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода биологического роста, сравнимые друг с другом, но за двумя первыми, в самой середине исследуемой эпохи, следуют спады — крайне резкий с 1350 по 1450 г. и менее резкий — скорее замедление темпов роста, чем спад, — с 1650 по 1750 г. Сегодня всякое увеличение роста населения в отсталых странах влечет за собой снижение уровня жизни, но, к счастью, без жесточайшего сокращения числа людей (по крайней мере после 1945 г.).

Каждый спад решает определенное число проблем, снимая напряжение и улучшая положение выживших; это, конечно, лекарство в лошадиной дозе, но все же лекарство. После Черной смерти середины XIV в. и последовавших за нею и усугубивших ее ударов эпидемий наследства концентрируются в немногих руках. Возделанными остаются только хорошие земли (меньше хлопот и больше продуктивность), уровень жизни и реальная заработная плата выживших повышаются. Именно таким образом начинается в Лангедоке столетие 1350-1450 гг., когда крестьянин со своей патриархальной семьей будет хозяином пустой земли; лес и дикие звери заняли место некогда процветавших здесь деревень². Но скоро численность людей возрастет и они отвоюют то, что отняли было у человека дикие животные и растения; люди очистят от камней поля, выкорчуют деревья и кустарники, но самый их прогресс ляжет тяжким грузом на их плечи и снова возродит нищету, с 1560 или с 1580 г. во Франции, как и в Испании, и в

¹ Выражение Эрнста Вагемана. — См.: Wagemann E. *Economia mundial*. 1952, особенно v., p. 59 sq.

² Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. 1966, I, p. 139sq.

Италии, и, вероятно, повсюду на Западе, люди снова становятся слишком многочисленными³. Песочные часы переворачиваются, и снова возобновляется обычная, монотонная история. Следовательно, человек бывает счастлив лишь в краткие промежутки и замечает это, только когда бывает уже слишком поздно.

Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы и примерно в то же время. Китай и Индия прогрессировали или переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы все человечество подчинялось велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная его история была истиной второстепенной. Так всегда думал Эрнст Вагеман, экономист и демограф. Синхронность очевидна в XVIII в., более чем вероятна — в XVI в., и можно предположить ее наличие в XIII в.- на пространстве от Франции Людовика Святого до далекой монгольской державы в Китае. Это как бы «смещало» проблемы и одновременно их упрощало. Рост народонаселения, заключает Вагеман, следовало бы приписывать действию причин, весьма отличных от тех, которые определяют экономический и технический прогресс и успехи медицины⁴.

Во всяком случае, эти флуктуации, более или менее синхронные от одного конца земной суши до другого, помогают вообразить, понять, что различные людские массы на протяжении веков находятся между собой в относительно устойчивом количественном соотношении: одна равна другой или же вдвое превосходит третью. Зная размер одной из них, можно вычислить весомость другой и, следуя таким путем, восстановить (с погрешностями, присущими такому методу расчета) цифру всей массы людей. Интерес, представляемый этой глобальной цифрой, очевиден: какой бы она ни была неопределенной и неточной по необходимости, она помогает обрисовать биологическое развитие человечества, рассматриваемого как единая масса, как единый фонд, как сказали бы статистики.

НЕДОСТАТОК ЦИФР

Никто не знает численности населения всего мира между XV и XVIII вв. Статистики не смогли прийти к единому мнению, основываясь на расходящихся между собой немногочисленных и ненадежных цифрах, какие предлагают им историки. На первый взгляд на этих сомнительных опорах ничего невозможно построить. Однако стоит попробовать.

Цифр мало, и они не очень надежны; они касаются одной Европы и, со времени появления некоторых отличных работ, Китая. Там у нас есть почти заслуживающие доверия переписи и оценки. Если почва и не слишком твердая, на нее все же можно ступить без большого риска.

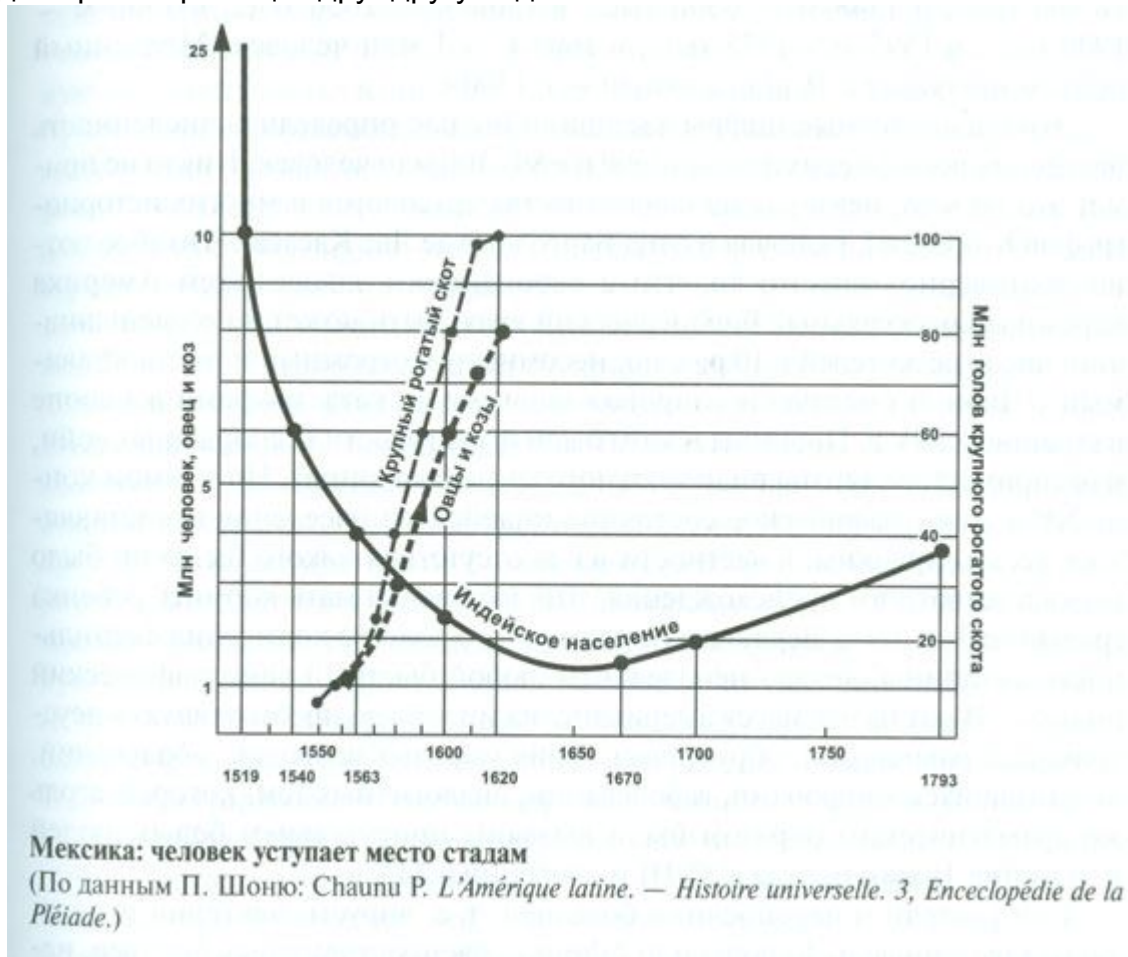
Но как быть с остальным миром? Ничего или почти ничего нет об Индии, которая, не слишком заботясь о своей истории вообще, не больше беспокоилась и о цифрах, которые бы эту историю освещали. Об Азии за пределами Китая фактически нет никаких данных, за исключением Японии. Конечно, ничего нет об Океании, которой европейские путешествия XVII-XVIII вв. лишь слегка коснулись: Тасман достиг Новой Зеландии в мае 1642 г., а Тасмании, острова, который назовут его именем, — в декабре того же года. Кук добрался до Австралии веком позже, в 1769 г., а затем — в 1783 г., а Бугенвиль до Таити — Новой Цитеры, которую он так и не открыл, — в апреле 1768 г. Впрочем, нужно ли касаться этих редких, рассеянных человеческих групп?

---

³ Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. 1966, 1, p. 368 sq. В дальнейшем будет даваться сокращенно Braudel F. *Medit.*

⁴ Wagemann E. *Op. tit.*, I, p. 51.

Статистики попросту записывают за всей Океанией два миллиона душ, о каком бы моменте ни шла речь. О Тропической Африке, к югу от Сахары, тоже нет ничего достоверного, за исключением расходящихся между собой цифр работорговли начиная с XVI в., цифр, на базе которых, кроме того, даже если бы они и были надежными, невозможно было бы сделать все нужные выводы. Наконец, ничего определенного нет об Америке или, вернее, есть по меньшей мере два противоречащих друг другу подсчета.

А. Розенблат признает единственный метод — регрессивный: отсчет назад, исходя из сегодняшних цифр⁵. Это означает, что для обеих Америк на следующий день после Конкисы мы получаем очень низкую цифру: от 10 до 15 млн. человеческих существ; и это немногочисленное население, считает он, в XVII в. еще уменьшилось — до 8 млн. Снова расти, и притом медленно, оно начнет только с XVIII в. Однако американские историки из Калифорнийского университета в Беркли (Кук, Симпсон, Бора)⁶ — для краткости их неверно именуют «берклийской школой» — занялись расчетами и интерполяциями, основываясь на частичных данных исследуемой эпохи, известных для некоторых областей Мексики сразу же после европейского завоевания. Результаты дают очень преувеличенные цифры: 11 млн. для 1519 г. (оценка, предложенная в 1948 г.); но все документы, добавленные к расчетам или рассмотренные более детально в 1960 г., доводят эту уже сказочную саму по себе величину до 25 млн. жителей для одной только Мексики. Впоследствии численность населения будет постоянно

⁵ Rosenblat A. *La Poblacion indigena y el Mestizaje en America*. 1, 1954, p. 102-103.

⁶ Наиболее характерные работы: Cook S.F. et Simpson L.B. *The Population of Central Mexico in the 16th Century*. — *Ibero-Americana*, 1948; Borah W. *The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest* — *Ibero-Americana*, 1963. Цифровые данные берклийской школы сейчас оспариваются, в частности Ш. Верлинденом (Неделя Прато, 1979).

сокращаться, и притом быстро: в 1532 г.-16800 тыс., в 1548 г. - 6300 тыс., в 1568 г. - 2650 тыс., в 1580 г. - 1900 тыс., в 1595 г.- 1375 тыс., в 1605 г.- 1 млн. человек. Медленный подъем наступает с 1650 г., а явный - с 1700 г.

Эти баснословные цифры заставили бы нас определить численность населения всей Америки около 1500 г. в 80-100 млн. человек. Никто не примет это на веру, невзирая на свидетельства археологов и многих историографов Конквисты, включая и отца Бартоломе де Лас Касаса⁷. Что абсолютно достоверно, так это то, что с европейским завоеванием Америка пережила колоссальный биологический крах, быть может и не уменьшивший число ее жителей в 10 раз, но, несомненно, огромный и несопоставимый с Черной смертью и сопровождавшими ее катастрофами в Европе в страшном XIV в. Повинны в этом были и жестокости беспощадных войн, и беспримерные тяготы подневольного труда в колониях. Но в самом конце XV в. демографическое состояние индейского населения представлялось весьма хрупким, в частности из-за отсутствия какого бы то ни было молока животного происхождения, что заставляло мать кормить ребенка грудью до 3-4 лет и, исключая на время этого долгого кормления фертильность женщины, делало ненадежным любой быстрый демографический подъем⁸. И вот на эту массу американских индейцев, пребывавшую в неустойчивом равновесии, обрушилась серия ужасных вспышек заболеваний, вызывавшихся микробами, заболеваний, аналогичных тем, которые столь же драматическим образом были вызваны присутствием белых людей в бассейне Тихого океана в XVIII и особенно в XIX в.

Возбудители и переносчики болезней, т. е. вирусы, бактерии и паразиты, завезенные из Европы или Африки, распространялись быстрее, нежели животные, растения и люди, также прибывшие с другой стороны Атлантики. Индейское население Америки, адаптировавшееся только к своим собственным патогенным агентам, перед этими новыми опасностями было безоружным. Едва европейцы достигли Нового Света, как в 1493 г. оспа вспыхнула на Сан-Доминго. В 1519 г. она появилась в осажденном Мехико даже еще до того, как в него ворвался Кортес, а с 30-х годов XVI в. - в Перу, опередив прибытие испанских солдат. Бразилии оспа достигает в 1560г., а Канады-в 1635 г.⁹ И это заболевание, против которого европейцы отчасти были уже иммунизированы, нанесло туземному населению тяжчайшие удары. То же можно сказать о кори, гриппе, дизентерии, проказе, чуме (первые крысы доберутся до Америки около 1544—1546 гг.), венерических болезнях (важный вопрос, к которому мы еще вернемся), тифе, элфантиазисе-обо всех этих заболеваниях, занесенных белыми или неграми, но приобретших, все без исключения, новую вирулентность. Конечно, остаются сомнения по поводу истинной природы некоторых болезней, но «нашествие» болезнетворных микробов не подлежит никакому сомнению. Население Мексики жестоко пострадало от колоссальных эпидемий: в 1521 г. - оспы, в 1546 г. - плохо поддающегося определению «мора» (по-видимому, тифа или гриппа) ; вторая страшная вспышка этого мора унесла в 1576-1577 гг. два

---

⁷ Лас Касас, Бартоломе де (1474-1566) - испанский гуманист, историк и публицист. В 1511-1514 гг. - капеллан отрядов Веласкеса на Кубе, в 1519-1521 гг. - миссионер в Венесуэле, затем в Гватемале. Выступал в защиту угнетенных индейцев, обличал колониализм и рабство. Автор ряда трудов по истории и этнографии Центральной и Южной Америки, - Прим. ред.

⁸ Chaunu P. *L'Amérique et les Amériques*. 1964, p. 105; Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, XV, 1759, p. 9.

⁹ Brading D.A. *Mineros y comerciantes en el Mexico borbonico, 1763—1810*. 1975, p. 18; Sanchez-Albornoz N. *La Poblacion de America latina desde los tiempos precolombinos*. 1973, p. 81; Chagny B.-N. *Variolè et chute de l'Empire azthèque*. (Машинописный текст диссертации.) Dijon, 1975

миллиона жизней¹⁰. Некоторые из Антильских островов полностью обезлюдели. Вполне понятно, что трудно отказаться от привычной мысли - считать желтую лихорадку эндемичной для тропических районов Америки; но она, вероятно, африканского происхождения. Во всяком случае, желтая лихорадка отмечается с запозданием: на Кубе - в 1648 г., а в Бразилии - в 1685 г. Оттуда она распространится по всей тропической зоне Нового Света; в XIX в. ее ареал будет простираться от Буэнос-Айреса до побережья Северной Америки, и она достигнет даже средиземноморских портов Европы¹¹. Невозможно говорить о Рио-де-Жанейро XIX в., не упомянув эту смертоносную его спутницу. Характерная деталь: если до того массовые эпидемии истребляли коренное население, то на сей раз главными жертвами этого ставшего эндемичным заболевания оказываются пришельцы-белые. В 1780 г. в Портобельо болезнь поразила экипажи галионов, и этим большим кораблям пришлось отстоять дождливый сезон в гавани¹². Следовательно, Новый Свет страдает от этих чудовищных поветрий. И мы увидим, как они возродятся, когда европеец обоснуется на островах Тихого океана, в еще одном биологически изолированном ранее мире. Напри мер, малярия в Индонезии и Океании появляется поздно: в 1732г. она обрушивается на Батавию, опустошив ее¹³.

Таким образом, расчеты А. Розенблата и историков из Беркли, осторожность первого и романтизм вторых можно примирить между собой. И те и другие цифры могут быть истинными или же правдоподобными в зависимости от того, говорим ли мы о времени до или после Конкисты. Так что оставим в стороне мнения Войтинских и Амбрэ. Последний утверждал, будто «ни в одну эпоху, предшествовавшую эпохе Колумба, на пространстве от Аляски до мыса Горн никогда не было более 10 млн. человеческих существ»¹⁴. Сегодня мы можем сомневаться в этом.

КАК СЧИТАТЬ?

Пример Америки показывает, какими простыми (даже слишком простыми) методами можно, отправляясь от некоторых относительно надежных цифр, вычислить и «домыслить» другие. Эти ненадежные пути с полным основанием тревожат историка, привыкшего удовлетворяться только тем, что доказано неопровержимым документом. У статистика нет ни этого беспокойства, ни этих страхов. «Нас могут упрекнуть, - не без юмора пишет социолог-статистик П. А. Ладам, - в том, что мы не возимся с подробностями. Мы ответим, что детали не важны - интерес представляет лишь порядок величин»¹⁵. Порядок величин, вероятный потолок или базис, максимальный или минимальный уровень.

В этом споре, где все участники и правы и не правы, мы оставим в стороне расчеты. Их действие неизменно предполагает, что между численностью населения различных частей земного шара существуют если и не постоянные, то по меньшей мере очень медленно изменяющиеся соотношения. Таково было мнение М. Хальбвакса¹⁶. Иными словами, население всего мира должно было иметь свою структуру, зачастую мало изменяющуюся: количественные

---

¹⁰ Pere Davilla A. *Historia de la fundacion y discurso de la provincia de Santiago de Mexico 1596-1625*. p. 100, 118, 516-517

¹¹ Sanchez-Albornoz N. *Op. cit.*, p. 188.

¹² *Ibid.*, p. 121-122

¹³ Price A.G. *The Western Invasions of the Pacific and its Continents* 1963, p. 167.

¹⁴ Woytinski W.S. et E.S. *World Population and Production Trends and Outlook* 1953, Embree E.R. *Indians of the Americas* 1939 (цит. по: Ladame P.A. *Le Role des migrations dans le monde libre*. 1958, p. 14).

¹⁵ Ladame P.A. *Op. cit.*, p. 16.

¹⁶ "Morphologie sociale", 1938, p. 70

соотношения между разными группами человечества в общем и целом сохранялись бы. Берклийская школа выводит общеамериканские цифры из цифр частных, относящихся к Мексике. Таким же способом, более или менее зная население района Трира около 800 г., К. Лампрехт, а затем К. Ю. Белох вычислили величину, действительную для всей Германии¹⁷. Проблема всегда останется одной и той же: основываясь на вероятных соотношениях, исходить из известных цифр, дабы перейти к цифрам более высокого ранга, правдоподобным и фиксирующим порядок величин. Этот порядок не всегда бесполезен, при условии, если его принимать за то, что он есть. Реальные цифры были бы лучше. Но их у нас нет.

РАВЕНСТВО КИТАЯ И ЕВРОПЫ

Вызывают сомнение относящиеся к Европе доводы, подсчеты и цифры великого предтечи исторической демографии К. Ю. Белоха (1854-1929 гг.), а также П. Момберта, Дж. К. Рассела и последнего издания книги М. Рейнара¹⁸. Эти цифры можно согласовать между собой: каждый старательно заимствовал их у соседа. Что касается меня, то я выбрал или же домыслил самый высокий уровень, чтобы всякий раз распространять Европу до Урала, включив в нее и «дикую Европу» на Востоке. Цифры, предлагавшиеся для Балканского полуострова, Польши, для Московского царства и Скандинавских стран, очень рискованны - едва ли они более правдоподобны, чем те, которые статистики предлагают для Океании или Африки. Такое расширение казалось мне необходимым: Европе, избранной в качестве единицы измерения, оно придает одни и те же пространственные размеры, какую бы эпоху мы ни рассматривали. Кроме того, это распространение до Урала лучше уравнивает чаши весов: расширенная Европа на одной стороне, Китай - на другой; это равенство подтверждается в XIX в., времени, начиная с которого мы располагаем если не достоверными, то по крайней мере приемлемыми цифрами.

В Китае цифры, основанные на официальных переписях, отнюдь не обретают от этого сразу же бесспорную ценность. Это - фискальные цифры, а говорящий о фиске говорит о мошенничестве или об иллюзии или о том и другом сразу. Э. П. Ашер справедливо полагает, что в целом это слишком заниженные цифры, и он их увеличил - со всею недостоверностью, какую заключает в себе любая операция такого рода¹⁹. То же проделал и последний из историков, пустившихся в далекие от совершенства подсчеты²⁰. «Сырые» цифры, поставленные рядом, обнаруживают, кроме того, явно невозможное: падения и подъемы, аномальные по размаху даже для китайских масштабов. Несомненно, они часто суть мера «порядка и власти в империи в такой же степени, как и уровня населения». Так, в 1674 г. общая цифра снижается на 7 млн. против предыдущего года из-за обширного восстания вассалов - восстания У Саньгуя. Отсутствующие в переписи не умерли - они вышли из подчинения центральной власти. Как только они подчиняются снова, статистика делает скачок, необъяснимый естественным приростом населения, даже максимальным.

¹⁷ Lamprecht K. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. 1891, II, S. 163; Beloch K.J. *Die Bevölkerung Europas im Mittelalter*. — *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*. 1900, S. 405-407

¹⁸ Mombert P. *Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit der Mitte des 17. Jahr.* — *Zeitschrift für Nationalökonomie*, 1936; Russel J. C. *Late ancient and medieval Population*. 1958; Reinhardt M., Armengaud A., Dupaquier J. *Histoire générale de la population mondiale*. 1968

¹⁹ Usher A. P. *The History of Population and Settlement in Eurasia*. — *The Geographical Review*, 1930, p. 122-127

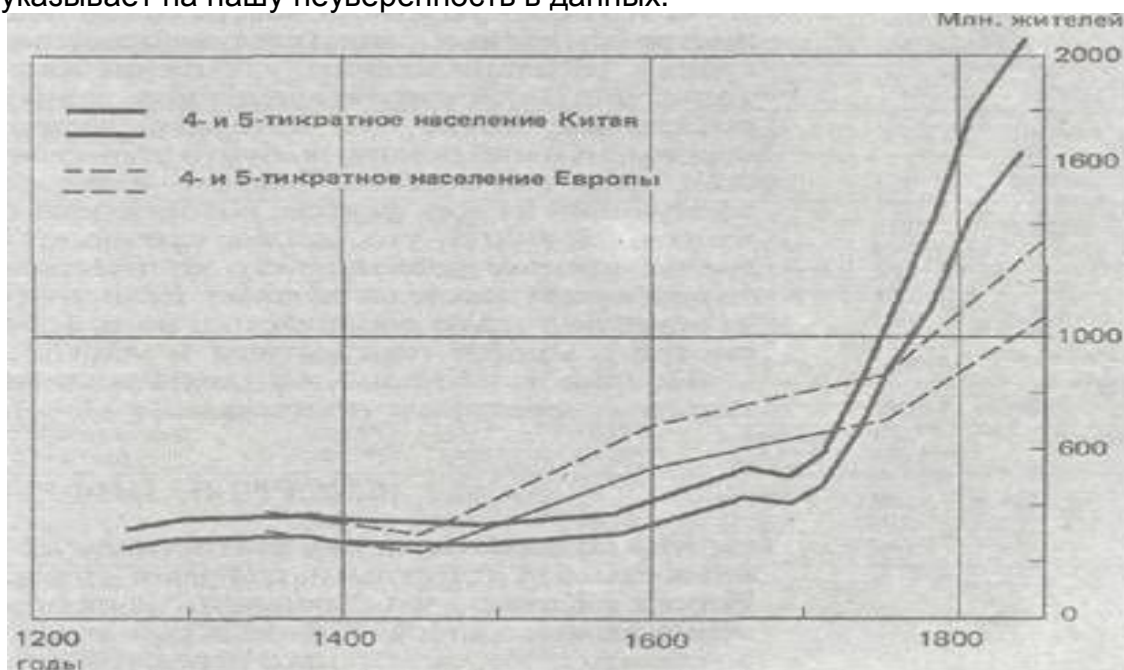
²⁰ Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce a Canton au XVIIIe siècle*. II, 1964, p. 472-475

Добавим, что переписи не всегда покоятся на одной и той же основе. До 1735 г. подсчитывали йен-тинов, податное население-мужчин от 16 до 60 лет; следовательно, это число надобно соответственно увеличить, исходя из того расчета, что они составляли 28% всего населения. Напротив, с 1741 г. перепись касается реального числа людей и численность населения устанавливается в 143 млн., тогда как расчет на основе числа йен-тинов давал для 1734 г. 97 млн. Свести концы с концами можно, при подсчетах возможно немало огрублений, но кого это может удовлетворить²¹? Однако в долгосрочном плане эти цифры сохраняют свою ценность - специалисты согласны в этом, - и самые старые из цифр, относящиеся к минскому Китаю (1368-1644 гг.), отнюдь не самые ненадежные, даже наоборот.

Короче говоря, вы видите, с каким материалом нам приходится работать. При нанесении этих цифр на график устанавливается лишь приблизительное равенство между Европой до Урала и Китаем, ограниченной территорией его коренных провинций. Впрочем, сегодня баланс все более и более изменяется в пользу Китая, принимая во внимание его превосходство в уровне рождаемости. Но это грубое равенство, приближенное или нет, остается при всех оговорках одним из самых ясных структурных элементов истории земного шара для последних пяти или шести столетий. И именно из него мы можем исходить при приближенном подсчете населения мира.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА В ЦЕЛОМ

С момента, когда мы располагаем правдоподобными статистическими данными, т. е. с XIX в. (в 1801 г. - первая настоящая перепись по одной лишь Англии), Китай и Европа представляют каждый приблизительно четверть всего человечества. Очевидно, что законность такой пропорции, обращенной в прошлое, вовсе не гарантирована изначально. Вчера и сегодня Европа и Китай обладали наибольшим населением на земном шаре. Если оно росло быстрее, чем в остальных регионах, может быть, стоило бы для периода, предшествовавшего XVIII в., принять для каждого из этих массивов в сравнении с остальным человечеством пропорцию не 1:4, а 1:5. В конце концов эта предосторожность лишь указывает на нашу неуверенность в данных.

Население мира (XIII – XX вв.)

²¹ *Ibid.*

Итак, снабдим коэффициентом 4 или 5 две кривые - для Китая и для Европы, дабы получить четыре вероятные кривые движения населения мира, соответствующие, следовательно, 4 или 5 Европам, 4 или 5 Киталям. Предположим, что на сводном графике мы получаем сложную кривую, которая очерчивает между самыми низкими и самыми высокими цифрами пределы широкой зоны возможностей (и погрешностей). И между этими границами, по соседству с ними, вообразим себе линию, которая бы представляла население всего мира в его развитии с XIV по XVIII в.

В целом с 1300 по 1800 г. кривая роста этого населения при таком подсчете будет в долговременном плане идти вверх, понятно, не учитывая резких и краткосрочных падений, о которых мы уже говорили. Если для начальной точки отсчета, 1300-1350 гг., принять самую низкую оценку - 250 млн., а для конечной - самую высокую (1380 млн. - для (780 г.)), то рост составит больше 400%. Никто не обязан в это верить. Установив максимум для начальной точки отсчета-350 млн., и минимум для конечной-836 млн. (самая низкая цифра, предложенная Уилкоксом²²), мы все еще получим увеличение на 138%. На протяжении полутысячелетия оно соответствовало бы среднему регулярному приросту порядка 1,73% (регулярность эта, понятно, есть нечто воображаемое), и, значит, - движение, едва заметное в течение лет, если оно было постоянным. Но тем не менее за этот огромный промежуток времени население мира, без сомнения, удвоилось. С этим продвижением вперед не смогли справиться ни экономические неурядицы, ни катастрофы, ни массовая смертность. Нет никакого сомнения, что это существеннейший факт мировой истории с XV по XVIII в., и не только в смысле уровня жизни: все должно было приспособляться к такому всеохватывающему напору.

И это почти не удивит историков Запада: все они знают множество косвенных свидетельств (освоение новых земель, эмиграции, распашка целины, улучшение земель, урбанизация), которые подтверждают вычисленные данные. Но зато выводы и объяснения, какие эти историки делают на их основании, спорны, ибо они полагали, будто этот феномен ограничен Европой, тогда как остается фактом - и это самый важный, самый волнующий из всех фактов, которые нам предстоит отметить в настоящей книге,- что человек преодолел многочисленные преграды, препятствовавшие его количественному росту, на всех территориях, какие он занимал. Если этот человеческий напор - явление не только европейское, но и всемирное, следует пересмотреть многие перспективы и многие из объяснений.

Но прежде чем прийти к таким заключениям, важно вернуться к некоторым подсчетам.

СПОРНЫЕ ЦИФРЫ

Мы позаимствовали у статистиков их метод, воспользовавшись самыми известными цифрами - теми, которые относятся к Европе и Китаю, - чтобы оценить на их основе численность населения земного шара. Статистикам нечего будет против этого возразить... Но, оказавшись перед той же проблемой, сами статистики избрали иную процедуру. Они расчленили операцию и последовательно вычислили население каждой из пяти «частей» света. До чего любопытное почтение к школьным формам подразделения! Но каковы же их результаты?

---

²² См. таблицу нас. 12.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА В МИЛЛИОНАХ ЖИТЕЛЕЙ (1650-1950 гг.)						
	1650 г.	1750 г.	1800 г.	1850 г.	1900 г.	1950 г.
Океания	2	2	2	2	6	13*
Африка	100	100	100	100	120	190**
Азия	257*	437*		656*	857*	1272*
	330**	479**	602**	749**	937**	
	250***	406***	522***	671***	859***	
Америка	8*	11*		59*	144*	338*
	13**	12, 4**	24, 6**	59**	144**	
	13***	12, 4***	24, 6***	59 ***	144***	
Европа (Включая Европейскую Россию)	103*	144*		274*	423*	594*
	100**	140**	187**	266**	401**	
	100***	140***	187***	266***	401***	
Всего	1 470	694		1091	1550	2416
	2 545	733,4	915,6	1176	1608	
	3 465	660,4	835,6	1098	1530	

Источники: * Бюллетень ООН, декабрь 1951 г.; ** Данные Карр-Саундерса *** Данные Кучинского. Цифры без звездочек совпадают во всех трех источниках. Цифры Карр-Саундерса для Африки округлены до 100.

Напомним, что они раз и навсегда записали за Океанией 2 млн. жителей, что мало существенно: этот удельный вес заранее растворяется среди наших погрешностей. Точно так же за Африкой от одной ее оконечности до другой записано 100 млн. И вот об этом стоит поспорить, так как такое постоянство, приписываемое численности населения одной лишь Африки, на наш взгляд, маловероятно. А принудительная оценка вызовет несомненные последствия для оценки всеобщей.

Мы свели в таблицу оценки специалистов. Заметим, что все их расчеты начинаются с поздней даты - 1650 г. - и что они неизменно оптимистичны, включая и недавнее обследование, осуществленное Организацией Объединенных Наций. В целом эти оценки кажутся мне весьма завышенными, во всяком случае в том, что касается Африки, а затем Азии.

Рискованно с самого начала - 1650 г. - приписывать одну и ту же численность населения (100 млн.) динамичной Европе и тогда отсталой Африке (исключая, впрочем, ее присредиземноморские области). Также неразумно предлагать для Азии 1650 г. как самые низкие цифры этих таблиц (250 или 257 млн. человек), так и очень высокую цифру - 330 млн., пожалуй слишком поспешно принятую Карр-Саундерсом.

Африка в середине XVII в. определенно имела жизнестойкое население. С середины XVI в. оно выдержало все возрастающий отток людей, вызванный американской работорговлей; этот отток добавляется к давним уже потерям в пользу стран ислама, потерям, которые должны были сохраниться до XX в. Так могло быть только благодаря определенной биологической стойкости. Другим доказательством такой стойкости служит сопротивление этого населения проникновению европейцев: «черный континент» не откроется в XVI в. для португальцев (несмотря на несколько их попыток), как открылась перед ними Бразилия - без сопротивления. У нас также имеется несколько свидетельств наличия довольно плотного земледельческого населения с красивыми,

всесторонне развитыми деревнями - картина, которую испортит европейское вторжение в XIX в.²³.

Однако если европеец не упорствует в стремлении захватить страны Тропической Африки, то потому, что с самого побережья его остановили «губительные» заболевания: перемежающаяся или постоянная лихорадка, «дизентерия, чахотка, водянка», не говоря уж о многочисленных паразитах - болезни, которым он выплачивает очень тяжкую дань²⁴. Эти болезни, как и отвага воинственных племен, стали препятствием. Кроме того, пороги и бары^{25*} закрывают реки: кто поднялся бы по диким водам Конго? С другой же стороны, американская эпопея и дальневосточная торговля требуют мобилизации всех деловых возможностей Европы, интересы которой оказываются связаны с другими регионами. «Черный континент» самостоятельно и дешево поставляет золотой песок, слоновую кость, людей. Чего с него требовать еще? А что до работорговли, то она отнюдь не носила тех огромных масштабов, в которые чересчур охотно верят. Даже вывоз невольников в Америку был ограничен уже хотя бы транспортными возможностями. Для сравнения : вся ирландская иммиграция в Америке с 1769 по 1774 г. составила лишь 44 тыс. человек, т. е. меньше 8 тыс. в год²⁶. Точно так же в XVI в. из Севильи в Америку отправлялось в среднем 1-2 тыс. испанцев в год²⁷. Итак, даже приняв для работорговли совершенно немыслимую цифру - 50 тыс. негров ежегодно (она будет достигнута разве что в XIX в., в последние годы торговли неграми), получаем численность африканского населения в крайнем случае только 25 млн. Короче говоря, масса в 100 млн. человеческих существ, приписываемая Африке, не имеет под собою никаких достоверных данных. Она, несомненно, повторяет первую глобальную и очень ненадежную оценку, предложенную Грегори Кингом в 1696 г. (95 млн.). Все удовлетворялись повторением этой цифры. Но откуда ее взял он сам?

А ведь у нас есть несколько оценок: например, Дж. Рассел²⁸ считает население Северной Африки в XVI в. равным 3,5 млн. (сам я без солидных доводов оценивал его в 2 млн.). О Египте XVI в. у нас вовсе нет данных. Можно ли говорить о 2 или 3 млн., принимая во внимание, что первые серьезные оценки, в 1798 г., дают для Египта 2,4 млн. жителей, а нынешнее соотношение делает Северную Африку и Египет равными в смысле численности жителей? Население каждого из этих регионов сегодня составляет само по себе десятую часть всех африканцев. Если мы примем то же соотношение для XVI в., население Африки могло бы составить от 24 до 35 млн. человек, в зависимости от того, какую из трех вышеприведенных цифр мы изберем; последняя относится к концу XVIII в., а две другие - к XVI в. Цифра в 100 млн. весьма далека от этих приближенных расчетов. Это, конечно, не доказательство. Но даже и не рискуя остановиться с уверенностью на какой-либо цифре, мы тем не менее решительно против цифры 100 млн.

Слишком высоки и цифры, предлагаемые для Азии, но здесь споры не столь серьезны. Карр-Саундерс полагает, что Уилкоккс ошибся, определив население Китая около 1650 г., т. е. шесть лет спустя после взятия Пекина

²³ Frobenius L. *Histoire de la civilisation africaine*. 1936, p. 14 sq.

²⁴ Pere Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. 1728, V, p. 331 sq.

²⁵ Бар - намывная мель перед устьем реки со стороны моря, - Прим. Ред.

²⁶ Итак, речь идет о периоде весьма крупной эмиграции. См.: Deveze M. *L'Europe et le monde à la fin du XVIIIe siècle*. 1970, p. 331 et note 586.

²⁷ Согласно официальным цифрам «pasajeros a Indias» — 100 тыс. человек в XVI в.; Г. Сеспедес де Кастильо (Cespedes de Castillo G. *Historia social y economica de Espana y America*, под ред. J. Vicens Vives, III, p. 393-394) полагает, что эту цифру следует удвоить или утроить

²⁸ Russel J. C. *Op.cit.*, p. 148.

маньчжурами, в 70 млн. человек²⁹, и отважно удваивает эту цифру (150 млн.). В этот переломный период китайской истории можно спорить обо всем и все ставить под сомнение (скажем, не были ли йен-тины просто нашими очагами - простыми фискальными единицами?). Со своей стороны Уилкоккс основывался на тексте «Дун Хуа-лу» (в переводе Чан Ханшена). Предположим, что его цифра низковата; но все-таки надлежит учитывать ужасающие опустошения маньчжурского завоевания. Кроме того, для 1575 г. Э. П. Ашер реконструировал численность населения на уровне 75 млн., а для 1661 г.- 101 млн.³⁰ В 1680 г. официальная цифра составила 61 млн., а реконструированная - 98 млн. по данным одного и 120 млн. - по данным другого автора. Но это в 1680 г., т. е. тогда, когда наконец полностью установился «маньчжурский порядок». А около 1639 г. некий путешественник говорит приблизительно о 60 млн. жителей, да еще считает по 10 человек на очаг - коэффициент даже для Китая ненормальный.

Только накануне 1680 г., а вернее, повторного завоевания Тайваня в 1683 г., начинается, как длинная приливная волна, ошеломляющий демографический подъем в Китае. Страна оказывается защищена, прикрыта широкой экспансией на континенте, которая вскоре приведет китайцев в Сибирь, Монголию, Туркестан, Тибет. В границах собственно Китая страна переживает крайне интенсивную колонизацию. Осваиваются все низины, все поддающиеся орошению холмы, а затем и гористые области, где число пионеров, выжигающих лес, все возрастает. Новые культуры, ввезенные португальцами в XVI в., такие, как арахис, сладкий батат и в особенности маис, получают широкое распространение до того, как появится из Европы картофель, который приобретет значение лишь в XIX в. Эта колонизация продолжается без особых препятствий вплоть до 1740 г., после чего приходящийся на каждого клочок земли начинает понемногу сокращаться; вне всякого сомнения, население растет быстрее, чем возделываемые площади³¹.

Эти глубокие перемены позволяют определенно говорить о «земледельческой революции» в Китае, сочетавшейся с мощной демографической революцией, которая ее обгоняла. Вероятные цифры таковы: 1680 г.- 120 млн., 1700 г.- 130, 1720 г.- 144, 1740г.- 165, 1750 г.- 186, 1760 г.- 214, 1770 г.- 246, 1790 г.- 300, 1850 г.- 430 млн. человек³²... Когда в 1793 г. секретарь английского посла Джордж Стаунтон спросил у китайцев, каково население империи, они гордо, если даже и не откровенно, ответили ему: 353 млн.³³

---

²⁹ *World Population Past Growth and Present Trends* 1937, p. 38-41. 2tl «*The Geographical Review*», 1930, p. 123.

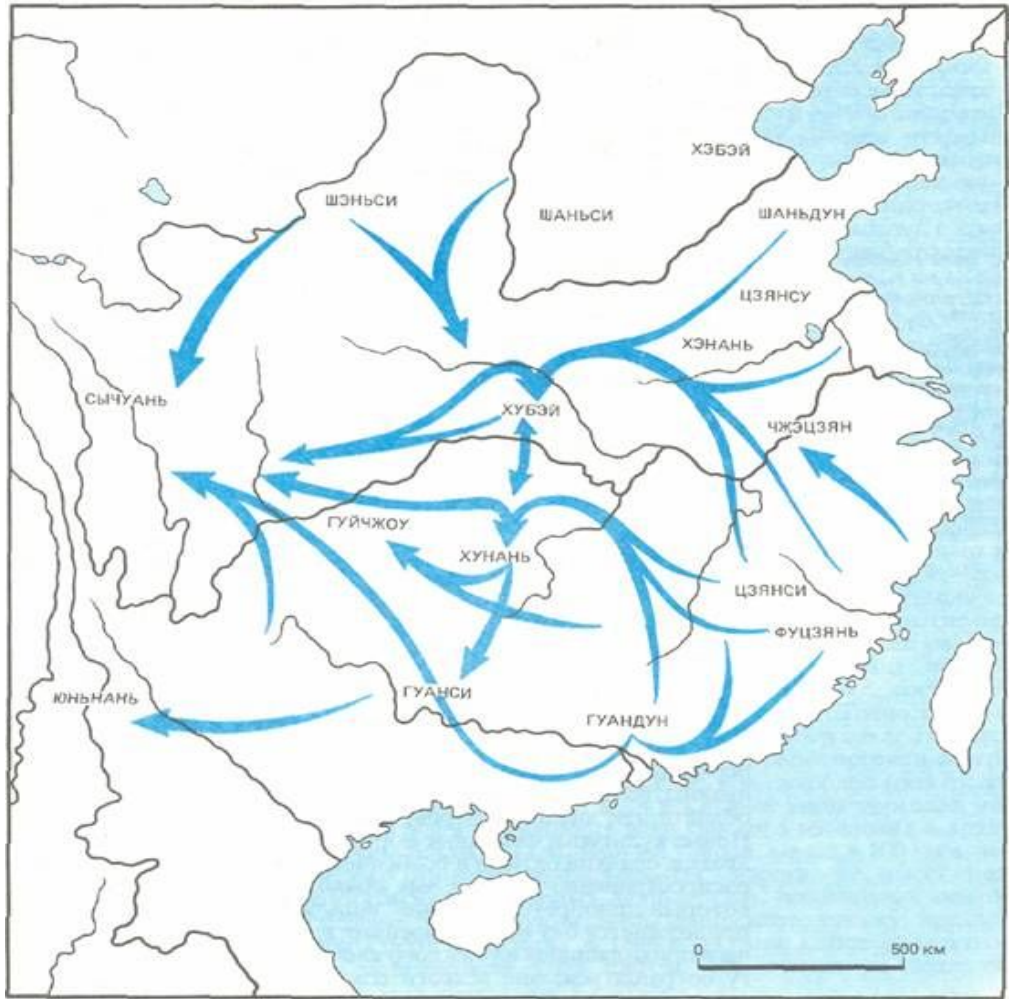
³⁰ «*The Geographical Review*», 1930, p. 123.

³¹ Dermigny L. *Opcit.*, II, p. 477, 478-479, 481-482

³² *Ibid.*, таблица на с. 475 и обсуждение — с. 472-475

³³ Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie fait dans les années 1792, 1793et/794m*, IV, p. 209

Но вернемся к населению Азии. Обычно его оценивают вдвое или втрое выше, чем население Китая; скорее вдвое, чем втрое, ибо Индия не представляется равной китайскому массиву. Оценка населения Декана в 1522 г. (30 млн.), исходя из спорных документов, дала бы для Индии в целом цифру в 100 млн. жителей³⁴ - уровень более высокий, чем современная ему «официальная» китайская цифра (во что никто не обязан верить). К тому же на протяжении этого столетия Индия будет страдать от тяжких голодовок, которые опустошат северные области³⁵. Но недавние исследования индийских историков отмечают в Индии в XVII в. процветание и сильный демографический подъем³⁶. И тем не менее неопубликованная французская оценка 1797 г. приписывает ей лишь 155 млн. жителей³⁷, в то время как с 1780 г. Китай официально заявляет о 275 млн. Статистические ухищрения Кингсли Дэвиса не дадут нам правильного представления об этом отставании Индии³⁸. Но их нельзя принимать на веру.

Внутренние миграции в Китае в XVIII в.

Интенсивный демографический подъем XVIII в. увеличивает в Китае миграцию между провинциями, общую картину которой дает эта карта. См.: Dermigny L. *Le Commerce à Canton au XVIIIe siècle*.

Во всяком случае, население Азии, которое, по нашим предположениям, было в два или три раза больше населения Китая, насчитывало бы 240 или 360 млн. человек в 1680 г. и 600 или 900 млн. - в 1790 г. Повторяю: мы предпочитаем, особенно для середины XVII в., более низкие цифры. А население мира около 1680 г. можно было бы подсчитать путем следующей операции сложения: 35 или

³⁴ Moreland W.H. *India at the Death of Akbar* 1920, p. 16-22

³⁵ Особенно в 1540, 1596, и 1630 гг., *Ibid*, p. 1 1, 22 note I, 266

³⁶ См. т. III настоящей работы.

³⁷ A..E. *IndesOr.*, 18, f 257.

³⁸ *The Population of India and Pakistan* 1951, p. 24-26

50 млн. - Африка, 240 или 360 млн. - Азия, 100 млн. - Европа, 10 млн. - Америка и 2 млн. - Океания. И мы оказались бы перед порядком величин, полученным при первом нашем расчете и с той же степенью недостоверности.

ВЕКА В СРАВНЕНИИ ДРУГ С ДРУГОМ

Уточнения по всем континентам в соответствии с их пространством не должны исключать более сложный контроль изменений во времени, от одного века к другому. П. Момберт дал первый его образец в применении к Европе в период 1650-1850 гг.³⁹ Он руководствовался двумя соображениями: во-первых, последние по времени цифры -наименее спорные из всех; во-вторых, если при обратном отсчете идти от самых недавних к наиболее удаленным в прошлое уровням, следует предполагать наличие между ними приемлемых градиентов роста. Это означает, в том что касается Европы, для 1850 г. принять цифру 266 млн. человек и вывести из нее (разумеется, при менее крутых градиентах, нежели применяемые, например, У. Ф. Уилкоксом) следующие цифры: 211 млн. для 1800г., 173 млн. для 1750 г. и соответственно для 1650 и 1600 гг. - 136 и 100 млн. человек. А это значит придать большее значение XVIII в. в сравнении с принятыми оценками и часть прироста, обычно приписываемого XIX в., «возвратить» веку предыдущему (понятно, что данные цифры приводятся со всяческими оговорками).

Мы, таким образом, оказываемся перед разумными годовыми уровнями прироста, в целом подтвержденными некоторыми выборочными оценками: с 1600 по 1650 г. - 6,2%, с 1650 по 1750 г. - 2,4, с 1750 по 1800 г. - 4, с 1800 по 1850 г. - 4,6 %. Для 1600 г. мы возвращаемся к цифре К. Юлиуса Белоха: примерно 100 млн. жителей для всей Европы. Но у нас нет никаких серьезных данных, для того чтобы продолжить это движение вспять, от 1600 к 1300 г., через тот бурный период, на который, как мы знаем, приходится резкий спад между 1350 и 1450 гг., а затем быстрый подъем с 1450 по 1650 г.

Конечно, мы можем на собственный страх и риск принять облегчающий дело ход рассуждений П. Момберта. Наименее рискованная цифра для 1600 г. - 100 млн. европейцев - есть вершина долгого подъема, в оценке которого можно колебаться между тремя градиентами: первым - 6,2%, как показывает движение с 1600 по 1650 г., вторым - 2,4 % между 1650 и 1750 гг. и третьим - 4% с 1750 по 1800 г. Логически рассуждая, мы приняли бы по меньшей мере этот последний процент, чтобы учесть интуитивно ощущаемую (но не установленную) быстроту подъема между 1450 и 1600 гг. В результате в 1450 г. Европа насчитывала бы приблизительно 55 млн. жителей. Тогда, если в согласии со всеми историками считать, что из-за Черной смерти и ее последствий население континента потеряло по меньшей мере одну пятую своей численности, цифра для 1300-1350 гг. оказалась бы на уровне 69 млн. человек. Мне эта цифра не кажется неправдоподобной. Опустошения и неожиданные бедствия Восточной Европы, поражающее число деревень, исчезнувших по всей Европе во время кризиса 1350-1450 гг., - все позволяет верить в возможность этого высокого уровня, близкого к благоразумной цифре Ю. Белоха (66 млн.).

Некоторые историки видят в быстром ускорении роста за «долгий XVI в.» (1451-1650 гг.) некое «восстановление» после предшествовавших спадов⁴⁰. Если держаться наших цифр, то сначала должна была произойти компенсация потерь, а затем превышение прежнего уровня. И конечно же, все это весьма спорно.

³⁹ Mombert P. *Op. cit.*, s. 533-545

⁴⁰ Chaunu P. *La Civilisation de l'Europe des Lumières*. 1971, p. 42

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СТАРЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Остается проблема, отмеченная в самом начале: общий рост населения мира. Во всяком случае, такой подъем в Китае, столь же ярко выраженный и бесспорный, как и в Европе, обязывает пересмотреть старые объяснения. Пусть погрузят об этом историки - те, кто упорно пытается объяснить демографический прогресс Запада снижением смертности в городах (которая к тому же остается очень высокой)⁴¹, прогрессом гигиены и медицины, отступлением оспы, многочисленными водопроводами, резким снижением детской смертности, а затем и общим снижением уровня смертности, понижением среднего брачного возраста. Все это весьма весомые доводы.

Но тогда требовалось бы, чтобы и для других регионов, а не для одного только Запада мы располагали аналогичными или столь же весомыми объяснениями. А ведь в Китае, где браки всегда были «ранними и многодетными», не удалось бы призвать на помощь ни снижение среднего брачного возраста, ни скачок в уровне рождаемости. Что же касается гигиены в городах, то в 1793 г. огромный Пекин, по словам английского путешественника, насчитывал 3 млн. жителей⁴². И он, несомненно, занимал меньшую площадь, чем Лондон, которому далеко было до этой фантастической цифры. В низеньких домишках наблюдалась невероятная скученность. И гигиена тут ничем не могла помочь.

Точно так же, если не выходить за пределы Европы, как объяснить быстрый рост численности населения в России (оно удваивается с 1722 по 1795 г. - с 14 до 29 млн.), притом что там нет врачей и хирургов⁴³, а в городах отсутствует всякая гигиена?

А если выйти за пределы Европы, то как объяснить в XVIII в. рост населения - как англосаксонского, так и испано-португальского - в Америке, где нет ни врачей, ни сколько-нибудь заслуживающей внимания гигиены (уж во всяком случае, нет их в Рио-де-Жанейро, столице Бразилии с 1763 г., которую регулярно посещает желтая лихорадка и где, как и по всей Латинской Америке, свирепствует как эндемичное заболевание оспа, разрушая больных «до самых костей»)⁴⁴? В общем, в любой стране рост населения мог бы происходить по-своему. Но почему все случаи роста приходятся на одно и то же или почти на одно и то же время?

Несомненно, повсюду наблюдалось расширение пространств, доступных людям, особенно с возобновлением общего экономического подъема в XVIII в. и даже намного раньше. Во всех странах мира отмечается тогда внутренняя колонизация, заселение пустующих или почти пустующих областей. Европа выиграла от расширения жизненного пространства и избытка продовольствия благодаря заморским территориям, а также восточным областям Европы, которые, по выражению Мабли, выходят из своего «варварского» состояния как в Южной России, так, например, и в лесистых частях Венгрии, еще более заболоченных и неблагоприятных для проживания человека, там, где так долго удерживалась военная граница с Турецкой империей, с этого времени далеко

---

⁴¹ Весьма многочисленны сведения такого рода в «*Gazette de France*». Так, например, в 1762 г. в Лондоне, Париже, Варшаве, Копенгагене число смертей значительно превышало число рождений. В последнем из этих городов 4512 умерших приходилось на 2289 родившихся, тогда как по стране в целом наблюдалось равновесие.

⁴² Macartney G. *Op. cit.*, IV, p. 113

⁴³ Public Records Office (PRO), London, 30.25.65, fol. 9, 1655. В Московии «нет никого, кто знал бы ремесло хирурга, за исключением нескольких иностранцев, приехавших из Голландии или Германии».

⁴⁴ Sanchez-Albornoz N. *Op. cit.*, p. 188

отодвинутая к югу. Такое утверждение правильно и для Америки, и на этом нет нужды особо настаивать. Но оно справедливо и для Индии, где началась колонизация черноземов регур в окрестностях Бомбея⁴⁵, Но еще более верно это в отношении Китая, занятого в XVII в. заселением стольких незанятых и пустынных земель внутри страны или рядом с нею. «Как бы это ни показалось парадоксальным, - пишет Рене Груссе, - но если бы потребовалось сравнить историю Китая с историей какой-нибудь другой крупной человеческой общности, то на ум пришли бы Канада или Соединенные Штаты. В обоих случаях речь идет в основном о покорении огромных девственных территорий народом земледельцев. имевшим против себя лишь немногочисленное полукочевое население, - покорении, осуществляемом наперекор превратностям политической жизни»⁴⁶. И эта экспансия продолжается, а вернее, начинается снова с XVIII в.

Однако если по всему миру возобновилась всеобщая экспансия, так это потому, что число людей возросло. Речь идет скорее о последствии, нежели о причине. В самом деле, всегда существовали пространства, которые можно было занять (притом они были легко досягаемы) всякий раз, когда люди этого хотели или же когда у них была в том нужда. Еще и сегодня нет недостатка в незанятых площадях; а ведь это «конечный» мир, как уверял Поль Валери, заимствуя терминологию у математиков, мир, где, как заметил один благоразумный экономист, «человечество не имеет более в своем распоряжении ни второй долины Миссисипи, ни второй территории Аргентины»⁴⁷. Можно еще освоить экваториальные леса, степи, даже арктические области и настоящие пустыни, где современная техника может дать на удивление многое⁴⁸.

В сущности же, проблема не в этом. Настоящий вопрос выглядит так : почему «географическая конъюнктура» начинает работать в один и тот же момент, хотя доступное пространство в общем имелось всегда? Именно синхронность составляет проблему. Международная экономика, действенная, но столь еще хрупкая, не может одна считаться причиной столь всеобщего и столь мощного движения. Она в такой же мере причина, как и следствие.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИТМЫ

Это более или менее полное единообразие поддается лишь единственному объяснению. Сегодня такое объяснение не вызовет более улыбки у ученых мужей: это - изменения климата. Новейшие тщательные исследования историков и метеорологов говорят о непрерывных колебаниях температуры, равно как зон атмосферного давления и режима осадков. Эти вариации влияют на деревья, водные потоки, ледники, уровень морей, на рост риса, как и на рост пшеницы, оливковых деревьев, как и виноградной лозы, на животных, как и на людей.

Так вот, между XV и XVIII вв. мир представляет все еще огромную крестьянскую страну, где от 80 до 90% людей живут плодами земли, и только ими. Ритм, качество, недостаточность урожаев определяют всю материальную жизнь. Из этого вытекают резкие потрясения, похожие на укусы, поражающие как заболонь деревьев, так и человеческую плоть. И некоторые из этих изменений проявляются повсюду в одно время, хоть их до сего времени еще объясняют гипотезами, которые отбрасываются одна за другой - так было еще вчера с гипотезой об изменении скорости реактивной струи (Jet stream). Так, в XIV в. наблюдалось общее похолодание в северном полушарии - с наступлением ледников, образованием берегового припая на морях, с более суровыми зимами.

⁴⁵ Vidal de la Blache P. *Principes de géographie humaine*. 1922, p. 45

⁴⁶ Grousset R. *Histoire de la Chine*. 1957, p. 23

⁴⁷ Ropke W. *Explication économique du monde moderne*. 1940, p. 102

⁴⁸ См. выходящую из печати книгу П. Гуру (Gourou P. *Terre de Bonne Espérance*)

С этого времени маршрут викингов в Америку перекрыт опасными для плавания льдами. «Ныне пришел лед... Никто не может плавать по древнему пути, не рискуя жизнью», - пишет норвежский священник в середине XIV в. Эта климатическая драма, видимо, означала конец норманнских колоний в Гренландии. Свидетельством тому могли бы служить тела их последних обитателей, обнаруженные в мерзлом грунте⁴⁹.

Точно так же эпоха Людовика XIV - это, по выражению Д. Шоува, «малый ледниковый период»⁵⁰. И этот период - куда более самовластный дирижер, чем Король-Солнце, дирижер, воля которого так же проявляется в Европе, зоне зерновых культур, как и в Азии - зоне рисовых полей и степей, в оливковых рощах Прованса, как и в Скандинавских странах, где слишком позднее таяние снега и льда и слишком ранняя осень более не оставляют пшенице времени для созревания; так было в ужасные 90-е годы XVII в., самые холодные за семь столетий⁵¹. И в Китае к середине XVII в. множатся стихийные бедствия - катастрофические засухи, нашествия саранчи, - а во внутренних провинциях, как и во Франции Людовика XIII, одно за другим следуют крестьянские восстания. Все это придает изменениям уровня материальной жизни дополнительный смысл и, возможно, объясняет их одновременность. Такая возможность физической взаимообусловленности в мире и определенной общности биологической истории в масштабах всего человечества как бы придавала земному шару его первоначальное единство задолго до Великих открытий, до промышленной революции и взаимопроникновения экономик.

Если, как я полагаю, это «климатическое» объяснение и содержит в себе долю истины, поостережемся все же от чрезмерных упрощений. Всякий климат - весьма сложная система, и его влияние на жизнь растений, животных и людей может проявляться лишь непрямым путем, различным в зависимости от места, от возделываемой культуры и времени года. В Западной Европе с ее умеренным климатом существует, скажем, «негативная корреляция между количеством дождей, выпадающих с 10 июня по 20 июля», и числом зерен [в колосе] пшеницы и «позитивная корреляция между процентом [солнечных дней] в период с 20 марта по 10 мая и тем же числом зерен»⁵². И если желаешь связать серьезные последствия с ухудшением климата, то нужно, чтобы такое ухудшение было бы доказано для стран этой умеренной зоны, самых населенных и некогда «самых важных для пропитания Западной Европы»⁵³. Это самоочевидно. А ведь примеры непосредственного влияния климата на урожаи, которые приводили историки, слишком часто касаются маргинальных районов и культур, вроде возделывания пшеницы в Швеции. При нынешнем, еще «точечном» состоянии исследований невозможно делать широкие обобщения. Но не будем и предвосхищать их будущие заключения. И будем помнить об изначальной хрупкости человека перед лицом колоссальных сил природы. «Календарь», будь то благосклонный или нет, господствует над людьми. Вполне логично, что историки экономики при Старом порядке видят ее ритм обусловленным чередованием хороших, менее хороших и плохих урожаев. Эти повторяющиеся быстрые изменения приводят в движение огромные колебания цен, от которых будут зависеть тысячи вещей. И кто бы не

---

⁴⁹ В частности, по данным раскопок П. Норлунда и трудов Т. Лонгстаффи. См Le Roy Ladurie . *Histoire du Climat depuis l'an mil*. 1967, p. 244-248

⁵⁰ Discussion: post-glacial climatic Change. — «*The Quaterly Journal of the Royal Meteorological Society*», april 1949, p. 175.

⁵¹ Jutikkala E. *The Great Finnish Famine in 1696-1697*. — «*The Scandinavian Economic History Review*», III. 1955, I, p. 51-52

⁵² Slicher van Bath B.H. *Le climat et les récoltes au haut Moyen Age*. — «*Settimana... de Spoteto*», XIII, 1965, p. 402.

⁵³ *Ibid.*, p. 403-404

подумал при этом, что эти настойчиво звучащие подспудно звуки частично зависели от переменчивой истории климата? И сегодня нам известно решающее значение муссона: простая его задержка влечет за собой непоправимые опустошения в Индии. Стоит этому явлению повториться два или три года подряд - и вот уже наступает голод. Здесь человек не освободился от этого ужасающего давления. Но не будем забывать и ущерб от засухи 1976 г. во Франции и Западной Европе или аномальное изменение ветрового режима, которое в 1964-1965 гг. вызвало катастрофическую засуху в Соединенных Штатах восточнее Скалистых гор⁵⁴.

Утверждение, что людей минувших времен такое «климатологическое» объяснение, такое вовлечение в дело небес удивило бы, способно лишь вызвать улыбку. Они и так чересчур старались объяснить течение всех земных дел, индивидуальные или коллективные судьбы, болезни движением звезд... Оронций Финей, математик и в свое время оккультист, в 1551 г., опираясь на астрологию, предсказывал: «Если Солнце, Венера и Луна сойдутся под знаком Близнецов, писатели мало заработают в этом году, а слуги будут непокорны своим господам и сеньерам. Но на Земле будет великое изобилие пшеницы, а дороги будут небезопасны из-за обилия воров»⁵⁵.

ШКАЛА ОТСЧЕТА

Современное население мира (известное с точностью до 10%) составляет сегодня, в 1979 г., примерно 4 млрд. человек. Если его сопоставить с очень приблизительными цифрами, которые мы привели, то эта масса представляет 5-12-кратное увеличение населения прошлых времен, смотря по тому, берем мы за базу 1300 или 1800 г.⁵⁶ Эти коэффициенты - 1:12 и 1:5-и их промежуточные значения отнюдь не золотое сечение, которое бы все разъяснило. Тем более что сопоставляются вовсе не одинаковые реальности: сегодняшнее человечество не образует в действительности увеличенного в 12 раз человечества 1300 или 1350 гг. даже с одной лишь биологической точки зрения, коль скоро возрастные пирамиды далеко не идентичны. Однако сравнение общих цифр само по себе открывает некоторые перспективы.

ГОРОДА, АРМИИ И ФЛОТЫ

Так, в наших, историков, ретроспективных путешествиях (до XIX в.) мы встречаемся с маленькими, по нашим меркам, городами, а также и с маленькими армиями; и те и другие уместились бы на ладони.

Кельн, в XV в. самый крупный город Германии на перекрестке двух потоков судоходства по Рейну - вверх и вниз по течению реки - и великих сухопутных путей⁵⁷, насчитывает лишь 20 тыс. жителей в ту пору, когда соотношение сельского и городского населения Германии составляло 10:1 и когда уже явно ощущалось давление урбанизации, каким бы низким оно нам ни показалось. Примем же, что группа в 20 тыс. жителей представляла тогда сосредоточение людей, сил, талантов и едоков куда более крупное - с учетом всех пропорций, - нежели агломерация в 100 или 200 тыс. человек сегодня. Вообразите, что могла значить в XV в. самобытная и активная культура Кельна. Точно так же, говоря о

⁵⁴ Carpenter R. *Discontinuity in Greek Civilization*. 1966, p. 67-68

⁵⁵ Fine O. *Les canons et documents très amples touchant l'usage et pratique les communs Almanachs que l'on nomme Ephémérides*, 1551, p. 35

⁵⁶ Если придерживаться цифры 350 млн человек для 1300г. и 1 млрд для 1800г. Этих цифр мы будем держаться при последующих расчетах

⁵⁷ Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands vom 16. bis 18. Jahrhundert* 1 1, 1952, S. 25-26, Kellenbenz H. *Der Aufstieg Kolns zur mittelalterlichen Handelsmetropole*. — «*Jahrbuch des kolnischen Geschichtsvereins*», 1967, S. 1-30

Стамбуле XVI в., которому надлежит приписать по меньшей мере 400 тыс. жителей, а то и, что весьма вероятно, 700 тыс.⁵⁸, мы вправе утверждать, что это город-чудовище, сравнимый, при прочих равных условиях, с самыми крупными современными агломерациями. Чтобы существовать, ему требуются все овечьи отары Балкан, рис, бобы и пшеница Египта, пшеница и лес из стран Черного моря, быки, верблюды, лошади Малой Азии. А для воспроизводства населения - все наличное население империи да плюс еще рабы, которых доставляют благодаря татарским набегам из России и которых турецкие эскадры захватывают на берегах Средиземного моря; всех их продают на гигантском рабском рынке Бешистан в самом центре огромной столицы.

1. Мирабелло; 2. Псарня (Casa de levrieri); 3. **Битва при Павии**
Кирпичная стена вокруг парка; 4. Укрепления французов; 5. Мост Сан-Антонио, разрушенный в начале осады; 6. Деревянный мост, разрушенный герцогом Алансонским во время битвы. (По данным Р. Тома.)

Скажем также, что, конечно же, армии наемников, которые в начале XVI в. оспаривают друг у друга Италию, очень невелики: 10-20 тыс. человек, 10-20 пушек. Эти императорские солдаты во главе со своими прославленными командирами, такими, как Пескара, коннетабль де Бурбон, де Ланнуа (Ланноа), Филиберт Шалонский⁵⁹, громящие в свое удовольствие в наших школьных

⁵⁸ Эти цифры оспаривал Робер Мантран: Mantran R. *Istanbul dans la seconds moitie de*

⁵⁹ Пескара Франческо Ферранте, маркиз (1490-1525) - итальянский военачальник, сражался против французов на стороне императора Карла V; убит при Павии. Бурбон, Шарль (1490-1527 гг.) - герцог, коннетабль (главнокомандующий) французской армии при Франциске I. В итальянских войнах одержал победу при Мариньяно. Выступив против Франциска I, в 1524 г. возглавил вторжение имперских войск во Францию, в 1525 г. одержал победу над французскими войсками при Павии. Ланнуа, Карл де (1487-1527) - испанский полководец, победитель французов при Павии. Филиберт Шалонский, принц Оранский (1502-1530) - полководец Карла V, «прославился» зверским разграблением Рима его солдатами в 1527 г. - *Прим. Ред*

учебниках другие армии наемников, которыми командуют Франциск I, Бонниве или Лотрек⁶⁰, - их и было в основном 10 тыс. человек, немецких ландскнехтов и испанских аркебузирова, 10 тыс. отборных людей. Отборных, но со временем быстро утрачивающих боеспособность, как это случилось позднее и с наполеоновской армией в период между Булонским лагерем и войной в Испании (1803-1808 гг.). От Бикокки (1522 г.) до поражения Лотрека под Неаполем (1528 г.) они находятся на первом плане; их зенитом была Павия (1525г.)⁶¹. Но эти 10 тыс. человек - ловких, распущенных и беспощадных (именно они были, так сказать, «героями» разграбления Рима) - это намного больше, чем сегодняшние 50 или 100 тыс. Если бы в те старые времена они были более многочисленны, их невозможно было бы ни привести в движение, ни прокормить, разве что в сказочно богатой стране. Так что победа при Павии - это успех аркебузирова, но в еще большей мере - успех пустых желудков. Армию Франциска I слишком хорошо кормили в ретраншементах, защищавших эту армию от пушек неприятеля и располагавшихся между стенами города Павии, который она осаждала, и герцогским парком, охотничьим угодьем, огороженным стеной, т. е. на очень ограниченном пространстве, где неожиданно развернулась баталия 24 февраля 1525 г.

И точно так же в страшную, решающую битву при Марстон-Муре 2 июля 1644 г., бывшую первым поражением королевской армии в ходе драматической гражданской войны в Англии, были вовлечены лишь ограниченные силы: 15 тыс. роялистов и 27 тыс. парламентских войск. Вся армия парламента, замечает П. Ласлетт, могла бы «разместиться на пассажирских судах «Куин Мэри» и «Куин Элизабет»; и он заключает: «Миниатюрные размеры человеческих сообществ - это... факт, характерный для того мира, который мы утратили»⁶².

Некоторые подвиги обретут в наших глазах свои подлинные размеры, если мы, учитывая это, отрешимся от цифр, которые с самого начала сделали бы их не заслуживающими внимания в наших глазах. Такие, например, подвиги, как деятельность испанского интендантства, способного, основываясь на своих крупных «распределительных портах» - Севилье, Кадисе (а позднее - Лиссабоне), Малаге, Барселоне, - перемещать галеры, флоты и полки-tercios на всех морях и землях Европы. Такой подвиг, как битва при Лепанто (7 октября 1571 г.), где столкнулись ислам и христианство, в общей сложности по меньшей мере 100 тыс. человек на двух неприятельских флотах в их полном составе - как на легких галерах, так и на сопровождавших их тяжелых кораблях с круглыми обводами⁶³. 100 тыс. человек - вообразим себе флот, который бы сегодня поднял на борт 500 тыс. или миллион человек! Пятьюдесятью годами позднее, около 1630 г., Валленштейн будто бы собрал под своими знаменами 100 тыс. солдат⁶⁴ - это еще большее достижение, предполагающее исключительную организацию службы снабжения, так сказать, рекорд. Армия Виллара⁶⁵, которая одержит верх при Денене (1712 г.), насчитывает 70 тыс. человек, но ведь это армия отчаяния и

---

⁶⁰ Бонниве, Гийом де (1488-1525 гг.) - французский адмирал, фаворит Франциска I, был убит под Павией. Лотрек, Оде де Фуа, виконт (1485-1528) - маршал, командовал французской армией, потерпевшей поражение под Бикоккой, был убит при осаде Неаполя в 1528 г.- *Прим. ред*

⁶¹ Thorn R. *Die Schlacht bet Pavia (24 Februar 1525)*. 1907

⁶² Laslett P. *Un Monde que nous avons perdu* 1969, p. 16

⁶³ Braudel F. *Medit.*, II, p. 394-396. Точный подсчет невозможен (см. Hartlaub et Quarti), но турецкий флот насчитывал 230 галер, а христианский — 208 плюс шесть венецианских галеасов. Турки потеряли убитыми, ранеными и пленными 48 тыс. человек.

⁶⁴ Michaud J.-F *Biographie universelle ancienne et moderne*. 1843, t. 44, статья «Wattenstein».

⁶⁵ Виллар, Клод де (1653-1734) - герцог, маршал Франции, полководец и дипломат, главнокомандующий французскими войсками в последний период Войны за испанское наследство. - *Прим, ред*

последней попытки⁶⁶. Позднее, как, скажем, в 1744 г., если судить по словам Дюпре д'Онэ, главного интенданта армии, цифра в 100 тыс. солдат, по-видимому, сделалась нормальной, по крайней мере в теоретическом плане. Каждые четыре дня, поясняет он, надлежит предусмотреть раздачу этому количеству людей 480 тыс. пайков, исходя из возможностей продовольственного склада, т. е. 120 тыс. рационов в день (так как есть и двойные пайки). Считая по 800 пайков на повозку, «потребовалось бы, -заключает он, - всего лишь 600 повозок и 2400 лошадей, запрягаемых четверней»⁶⁷. Когда все это стало просто, появились даже железные печи на колесном ходу для выпечки пайкового хлеба. Но в начале XVII в. трактат об артиллерии, излагавший различные потребности армии, вооруженной пушками, избрал в качестве расчетной цифру 200 тыс. человек⁶⁸.

Эти примеры иллюстрируют доводы, которые было бы легко повторить для бесчисленного множества случаев. Размеры потерь, нанесенных Испании изгнанием морисков (1609-1614 гг.) (по довольно надежным расчетам, самое малое – 300 тыс. душ)⁶⁹. Франции - отменой Нантского эдикта⁷⁰, Черной Африке - неготорговлей для нужд Нового Света⁷¹ и снова Испании - заселением этого Нового Света белыми людьми (в XVI в., быть может, тысяча человек уезжала ежегодно, всего 100 тыс.), относительная незначительность всех этих цифр ставит общую проблему. Дело в том, что Европа из-за своего политического разделения, из-за негибкости своей экономики неспособна отдавать больше людей. Без Африки она не смогла бы освоить Новый Свет по множеству причин, в частности из-за климата, но также и потому, что не могла отдавать слишком большую долю своей рабочей силы. Бесспорно, современники легко преувеличивают, но все-таки последствия отъезда эмигрантов должны были быть ощутимы в Севилье, чтобы в 1526 г. Андреа Наваджеро мог сказать: «В Индии уехало столько мужчин, что город Севилья обезлюдел и оказался почти что во власти женщин»⁷².

Аналогичные мысли высказывал и К. Ю. Белох, пытаюсь определить подлинное значение Европы XVII в., разделенной между тремя оспаривавшими ее друг у друга великими державами: Оттоманской империей, Испанской империей и Францией Людовика XIII и Ришелье. Подсчитав человеческие массы, которыми эти державы располагали в Старом Свете - примерно 17 млн. человек на каждую из них, - он пришел к выводу, что это и был тот уровень, превысив который можно было надеяться на роль великой державы⁷³. Мы далеко ушли с тех пор...

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПЕРЕНАСЕЛЕННАЯ ФРАНЦИЯ

Многие другие сравнения, сделанные попутно, дали бы столь же важные разъяснения. Предположим, что около 1600 г. население мира составляло одну восьмую современного, что население Франции (в ее сегодняшних политических границах) составляло 20 млн.; это вероятно, если даже и не вполне достоверно.

⁶⁶ Lavisse E. *Histoire de France*. 1911, VIII (1), p. 131

⁶⁷ Dupré d'Aulnay L. *Traité général des subsistances militaires*. 1744, p. 62

⁶⁸ Bénédict de Vassallieu dit Nicolay Lyonnois. *Recueil du règlement général de l'ordre et conduite de GaПШене...* 1613. В. К, Ms. fr., 592

⁶⁹ Lapeyre H. *Géographie de l'Espagne morisque*. 1960

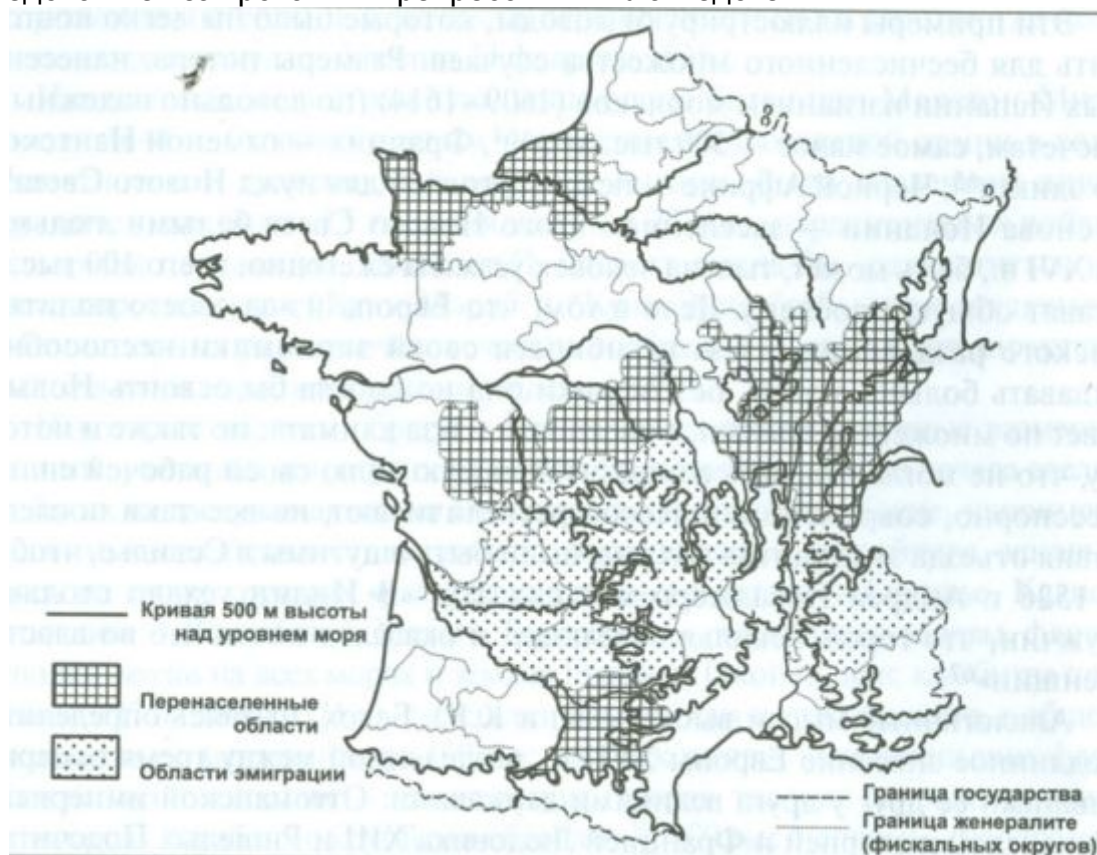
⁷⁰ Согласно Роберу Мандру (Mandrou R. *La France aux XVIIe et XVIIIe siècles*. 1970, p. 183-184), обычно принимают цифру в 300 тыс. А. Люти (Luthy H. *La Banque protestante*, p. 26) отдает предпочтение цифре 200 тыс. У.Дж. Сквилл также считает, что ущерб для французской экономики переоценивали (Scoville W.G. *The Persecution of Huguenots and French Economic Development* 1960).

⁷¹ См. т. III настоящей работы

⁷² Navagero A. // *Viaggiofatto in Spagna*, 1563

⁷³ Navagero A. // *Viaggiofatto in Spagna*, 1563

Англия в то время насчитывала самое большое 5 млн. человек⁷⁴. Если бы население той и другой страны росло в среднемировом ритме, Англия должна бы была насчитывать сегодня 40 млн. жителей, а Франция - 160 млн. Можно сразу сказать по поводу Франции (или Италии, или даже Германии XVI в.), что это, вероятно, уже перенаселенные страны, что для своих возможностей того времени Франция обременена количеством людей, нищих, бесполезных ртов, нежелательных лиц. Уже Брантом говорил, что она «полна доверху»⁷⁵. Из-за отсутствия сознательной политики верхов эмиграция, худо ли, хорошо ли, организуется как придется: скажем, довольно широко - в Испанию в XVI и XVII вв., или позднее - на «острова» Америки, или же, в зависимости от превратностей религиозных гонений, «этого долгого кровопускания, которое начинается для Франции в 1540 г. с первыми систематическими гонениями на протестантов и заканчивается лишь в 1752-1753 гг., с последней крупной эмиграцией, последовавшей за кровавыми репрессиями в Лангедоке»⁷⁶.

Одно историческое исследование показывает вчера еще неизвестный размах эмиграции из Франции в страны Иберийского полуострова⁷⁷. Эту эмиграцию доказывают статистические подсчеты так же, как и настойчивые сообщения путешественников⁷⁸. В 1654 г. кардинал де Рец рассказывает, что был крайне удивлен, услышав, как в Сарагосе все говорят на его родном языке, в Сарагосе, где было бесчисленное множество французских ремесленников⁷⁹. Через десять лет Антуан де Брюнель будет удивляться огромному числу гавачос (уничижительное, на смешливое прозвище, даваемое французам) в Мадриде (их

⁷⁴ *Ibid.*, p. 786

⁷⁵ Brantôme. *Œuvres*. 1779, IX, p. 249.

⁷⁶ Luthy H. *Op. cit.*, I, p. 26.

⁷⁷ Naïal G. et Giralt E. *La Population catalane de 1553 d'1717*. 1960

⁷⁸ Joly B. *Voyage en Espagne, 1603-1604*. P.p. L. Barreau-Dihigo, 1909, p. 13: все ремесленники в Фигерасе (Каталония) — «французы из Верхней Оверни».

⁷⁹ Cardinal de Retz, *Mémoires*, éd. 1949, III, p. 226

численность он оценивает в 40 тыс. человек), каковые «переряжаются испанцами и утверждают, будто они валлоны или уроженцы Франш-Конте или Лотарингии, чтобы скрыть, что они французы, и избежать притеснения из-за этого»⁸⁰.

Это они поставляют испанской столице ее ремесленников, ее чернорабочих, ее мелких спекулянтов, которых привлекают высокие заработки и прибыли, на которые можно рассчитывать. Особенно это относится к каменщикам и строительным рабочим. Но и в сельских местностях полно эмигрантов: без крестьян, прибывших из Франции, испанские земли зачастую оставались бы невозделанными. Эти детали указывают на обильную, постоянную, смешанную в смысле социального состава эмиграцию. Это - очевидное свидетельство перенаселенности Франции. Жан Эро, сир де Гурвиль, в своих мемуарах рассказывает, что в Испании в 1669 г. находилось 200 тыс. французов - цифра огромная, но вполне правдоподобная⁸¹.

И вот в стране, которая веками изнывала под бременем этой численности, возникает, а вернее, укрепляется с наступлением XVIII в. добровольное ограничение рождаемости. Как пишет Себастьян Мерсье в 1771 г., «в проявлениях своей страсти мужья сами следят за тем, чтобы избежать появления в доме ребенка»⁸². После 1789 г., в решающие годы Революции, резкое снижение уровня рождаемости явно обнаруживает распространение противозачаточных средств⁸³. Не следует ли рассматривать это как реакцию - во Франции более раннюю, нежели в других странах, - на столь долгие годы, отмеченные очевидной перенаселенностью ?

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВНИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коль скоро поверхность суши составляет 150 млн. кв. км, средняя современная плотность населения земного шара с его 4 млрд. жителей равняется 26,7 человека на кв. км. Такой же расчет для времени между 1300 и 1800 гг. дал бы самое малое 2,3 человека на кв. км и самое большое - 6,6 человека на кв. км. Предположим, что далее мы подсчитали бы сегодняшнюю, 1979 г., площадь самых населенных зон (200 человек на кв. км и более), мы бы получили таким путем основную площадь густо заселенных цивилизаций наших дней, а именно - 11 млн. кв. км; такой подсчет делался снова и снова, и делался часто. Именно на этой узкой полосе сосредоточены 70% человеческих существ, почти 3 млрд. человек. Сент-Экзюпери это выразил на свой манер : мир фонтанов и домов - лишь узкая полоска на поверхности земного шара; стоило ему ошибиться первый раз, и его самолет затерялся среди парагвайского тропического леса; а стоило ему ошибиться вторично, и он приземлился в песках Сахары..⁸⁴. Подчеркнем эти образы, эту асимметрию, абсурдность населенного мира - ойкумены. Человек оставляет земной шар на 9/10 пустым, часто бывая вынужден к тому, а то и по небрежности, а также и потому, что история - нескончаемая цепь его усилий - решила по-иному. «Люди, - писал Видаль де Ла Блаш, - не распространялись по земле, подобно масляному пятну, с самого начала они собирались вместе, как кораллы», т. е. нагромождались «последовательными слоями» в «определенных точках отмелей человеческого населения»⁸⁵. С первого взгляда мы были бы склонны заключить, что между 1400 и 1800 гг. нигде не было тех по-настоящему

⁸⁰ Brunei A. *Viaje de Espana*. 1665. — «*Viajes extranjeros por Espana y Portugal*», Н, 1959, p. 427

⁸¹ Herault J., sire de Gourville. *Mémoires...*, 1724, II, p. 79

⁸² Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante, rêve s'il en fut jamais*. 1771, p. 335

⁸³ Le Roy Ladurie E. *Démographie et funestes secrets: le Languedoc*. — «*Annales historiques de la Révolution française*», oct. 1965, p. 397-399.

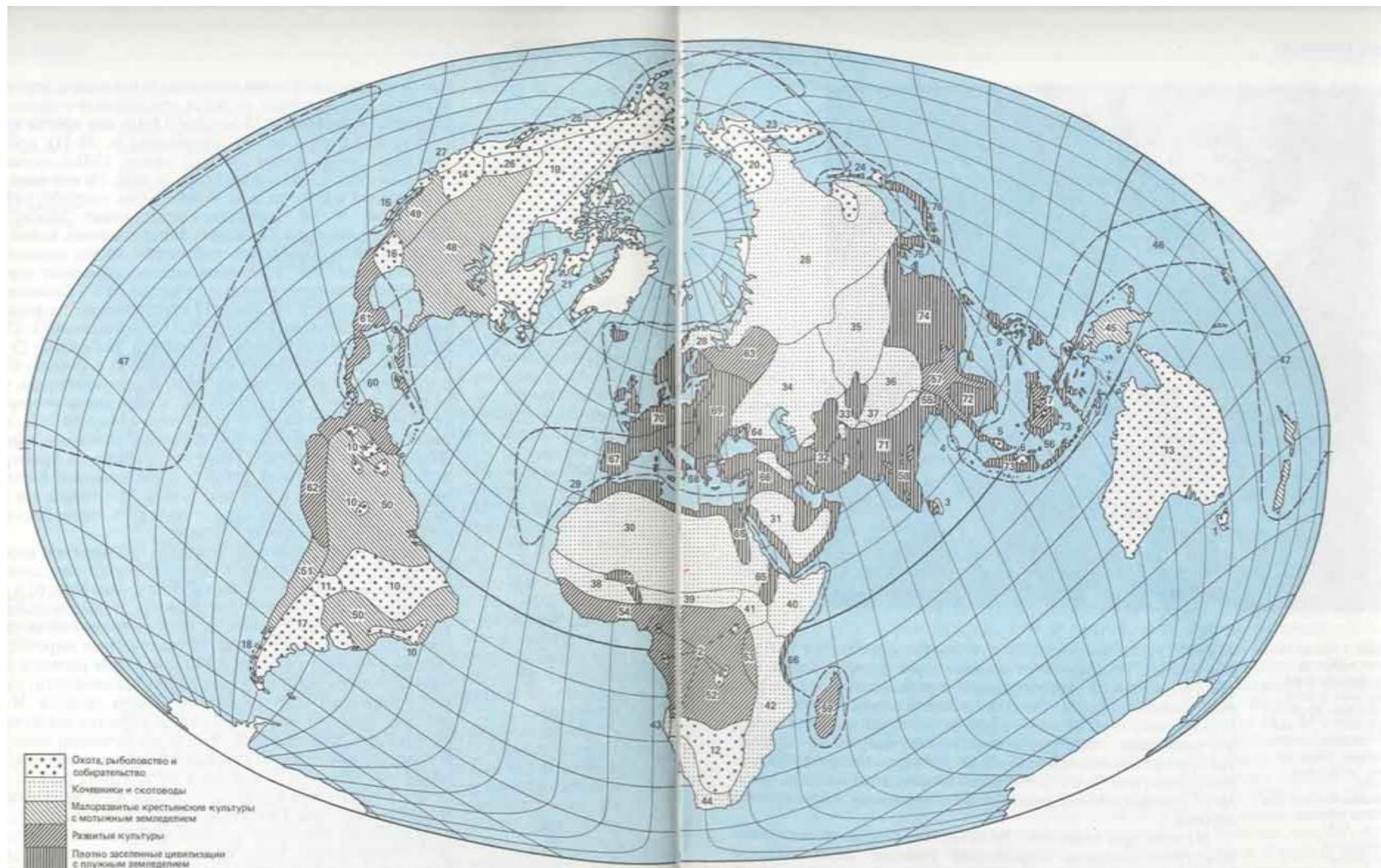
⁸⁴ Saint-Exupéry A. de. *Terre des hommes*

⁸⁵ Vidal de la Blache P. *Op. cit.*, p. 10-11

густых человеческих масс, которые создают цивилизацию, - настолько низки плотности прошлых эпох. На самом же деле такая же асимметрия наблюдается в мире, разделенном на узкие, но плотно заселенные, и обширные, но пустые, с редким населением, области. И здесь тоже цифры следует привести к их действительному масштабу.

Итак, мы почти точно знаем, как размещались по всему свету около 1500 г., накануне того момента, как в Америке стали ощущаться результаты европейского, завоевания, цивилизации, развитые культуры и культуры примитивные. Документы той эпохи, позднейшие сообщения, обследования этнографов вчера и сегодня дают нам ценную карту, ибо, как известно, культурные границы довольно мало изменяются на протяжении веков. Человек живет преимущественно в рамках собственного опыта и по мере движения поколений оказывается в ловушке своих прежних достижений. Человек-то есть группа, к которой он принадлежит: одни индивиды ее покидают, другие включаются в нее, но группа остается привязанной к данному пространству, к знакомым ей землям. Она в них выросла корнями.

Цивилизации, «культуры» и первобытные народы около 1500 г.

1. Тасманийцы. 2. Пигмеи Конго. 3. Ведда (Шри Ланка) 4. Андаманцы. 5. Сенои и семанги. 6. Кубу. 7. Пунаны (Борнео). 8. Негритос Филиппин. 9. Сибонеи (Антильские о-ва). 10. Же-ботокуды. 11. Индейцы Гран-Чако. 12. Бушмены. 13. Австралийцы. 14. Индейцы Большого Бассейна (США). 15. Индейцы Нижней Калифорнии. 16. Индейцы Техаса и северо-востока Мексики. 17. Патагонцы. 18. Индейцы южного побережья Чили. 19. Атапаски и алгонкины (север Канады). 20. Юкагиры. 21. Эскимосы центральные и восточные. 22. Эскимосы западные. 23. Камчадалы, коряки, чукчи. 24. Айны, нивхи, гольды. 25. Индейцы Северо-Западного побережья (США и Канада). 26. Индейцы Колумбийского плато. 27. Индейцы Центральной Калифорнии. 28. Оленеводческие народы. 29. Канарские о-ва (гуанчи). 30. Кочевники Сахары. 31. Кочевники Аравии. 32. Пастухи горных областей Ближнего Востока. 33. Пастухи Памира и Гиндукуша. 34. Казахи. 35. Монголы. 36. Пастухи Тибета. 37. Оседлые тибетцы. 38. Западносуданские народы. 39. Восточносуданские народы. 40. Сомалийцы и галла Северо-восточной Африки. 41. Нилотские народы. 42. Скотоводы Восточной Африки. 43. Западные оанту. 44. Готтентоты. 45. Папуасы Меланезии. 46. Микронезийцы. 47. Полинезийцы. 48. Индейцы Америки (Восток США). 49. Индейцы Америки (Запад США). 50. Индейцы Бразилии. 51. Индейцы Чили. 52. Народы Конго. 53. Народы Восточноафриканского Межозерья. 54. Народы Гвинейского побережья. 55. Народы нагорий Ассама и Бирмы. 56. Племена нагорий Индонезии. 57. Народы горных районов Индокитая и Юго-Западного Китая. 58. Горные и лесные племена Центральной Индии. 59. Малагасийцы. 60. Карибы. 61. Мексиканцы, майя. 62. Перуанцы и андские народы. 63. Финны. 64. Кавказские народы. 65. Эфиопы. 66. Оседлые мусульманские народы. 67. Народы Юго-Западной Европы. 68. Народы Восточного Средиземноморья. 69. Народы точной Европы. 70. Народы Северо-Западной Европы. 71. Индия (на карте не выделены мусульмане и индуисты). 72. Народы равнинных областей Юго-Восточной Азии. 73. Равнинные народы Индонезии. 74. Китайцы. 75. Корейцы. 76. Японцы. (По Дж. У. Хьюзу.)

Карта, которую мы воспроизводим, составлена для всего мира, каким он был около 1500 г., этнографом Г. У. Хьюзом⁸⁶; она говорит сама за себя. На ней выделены 76 цивилизаций и культур, т. е. 76 небольших участков, различных по форме и по площади, разделивших между собой 150 млн. кв. км суши. Поскольку карта эта очень важна и к ней придется часто обращаться, посмотрим на нее внимательно с самого начала. Эти 76 кусочков мозаики намечают определенную классификацию, начиная с участка № 1 - Тасмании, и до № 76, и последнего, - Японии. И классификация по восходящей линии просматривается без труда: 1) под номерами 1-27 размещены первобытные народы, собиратели, рыболовы; 2) с 28-го по 44-й номера - кочевники и скотоводы; 3) с 45-го по 63-й - народы с примитивным земледелием, в первую очередь мотыжным, рассеянные, что любопытно, в виде почти непрерывного пояса вокруг всего мира; 4) и, наконец, с 64-го по 76-й - цивилизации, народы, живущие относительно плотными массами и обладающие множеством технических средств и преимуществ: домашними животными, сохой, плугом, повозкой и особенно - городами... Вряд ли нужно доказывать, что именно эти последние 13 кусочков мозаики-объяснения и суть «развитые» страны, вселенная, перенаселенная людьми.

На вершине шкалы классификация оказывается, впрочем, в одном-двух случаях спорной. Не заслуживают ли с полным основанием быть помещенными на этом уровне №№ 61 и 62, т. е. цивилизация ацтеков, или мексиканская, и цивилизация инков, или перуанская? Безусловно, да, если вести речь об их достоинствах - их блеске, их искусстве, их самобытном мировоззрении; да, если речь идет о чудесах астрономических расчетов древних майя; и снова да, если подумать об их долговечности: они переживут страшный удар завоевания белыми людьми. И наоборот - нет, если учитывать, что они пользуются исключительно мотыгой и палкой-копалкой; что, за исключением ламы, альпака и вигони, они не знают крупных домашних животных; что им неведомы колесо, свод, повозка и металлургия железа, хотя ее на протяжении веков и даже тысячелетий знали весьма скромного уровня культуры Тропической Африки. В общем, если исходить из наших критериев материальной жизни, придется ответить отрицательно. Такие же колебания и такая же сдержанность возникают и когда идет речь по поводу № 63, т. е. финно-угорских групп Сибири, на которые только-только начало распространяться влияние соседних цивилизаций.

Но по завершении этого спора остаются 13 цивилизаций, которые образуют в мировом масштабе длинный и узкий пояс по всему пространству Старого Света - неширокую полосу фонтанов, распаханых земель, густозаселенных пространств, которые человек удерживает настолько прочно, насколько он тогда был в состоянии их удержать. К тому же, коль скоро мы оставили в стороне отклоняющийся от нормы американский случай, заметим, что там, где цивилизованный человек находился в 1500 г., он был уже в 1400 г., и там же он пребудет в 1800 г. и еще сегодня. Подвести итог несложно: это Япония, Корея, Китай, Индокитай, Индонезия, Индия, страны ислама; четыре разные Европы (самая богатая - романоязычное Средиземноморье; самая горемычная-греческая, которую затопило турецкое завоевание; наиболее активная - северная; самая неразвитая - русско-лапландская). Сюда же добавляются два любопытных случая: под № 64 - устойчивые цивилизации Кавказа, а под № 65 - неискоренимая цивилизация хлебопашцев Абиссинского нагорья...

В сумме они занимают, быть может, 10 млн. кв. км, почти 20-кратную площадь современной Франции, незначительное пространство. Это пояс высоких

---

⁸⁶ Hewes G.W. *A Conspectus of the World's Cultures in 1500 A.D.* — «*University of Colorado Studies*», № 4, 1954, p. 1-22

плотностей населения, четко индивидуализированный, насколько это возможно, пояс, который *mutatis mutandis** [Внося необходимые поправки (лат.)] можно проследить и в современной географии мира (где, повторяю, на 11 млн. кв. км живут 70% всех человеческих существ). Если мы примем это сегодняшнее соотношение между людской массой цивилизаций и всем человечеством, а именно - 70%, то плотность населения в этих избранных зонах повысилась, очевидно, с 1300 по 1800г. (в соответствии с нашими крайними ориентирами) с 24,5 (минимум) до 63,6 (максимум) человека на кв. км⁸⁷. А в 1600 г., если держаться точки зрения, которую избрал К. Ю. Белох, наш средний показатель окажется между 28 и 35. Значит, это существенный «порог»: если в Европе того времени, чтобы считаться великой державой, необходимо было обладать 17 млн. человек населения, то в мировом масштабе уровень, на котором становится очевидным переполнение и наступает то ощущение локтя соседа, при котором живет и процветает цивилизация, составляет около 30 человек на кв. км.

Если по-прежнему будем рассматривать 1600 г., то Италия насчитывает 44 человека на кв. км, Нидерланды - 40, Франция - 34, Германия - 28, Пиренейский полуостров - 17, Польша и Пруссия - по 14, Швеция, Норвегия и Финляндия - около 1,5 человека на кв. км. Но последние три страны находятся в тот момент еще на стадии раннего средневековья; они расположены на периферии Европы, и в ее жизни участвуют лишь узкие полосы их территории⁸⁸. Что же касается Китая, 17-ти его провинций (18-я – Ганьсу - относилась тогда к Китайскому Туркестану), то плотность населения в нем едва превышает 20 человек на кв. км (в 1578 г.)⁸⁹.

Но эти уровни, такие низкие для нас, говорят уже об очевидном перенаселении. В начале XVI в. зоной набора ландскнехтов по преимуществу служит Вюртемберг, самая населенная область Германии (44 жителя на кв. км)⁹⁰. Франция образует обширную область эмиграции при уровне 34 человека на кв. км, а Испания - всего при 17 человеках на кв. км. Однако богатые и уже «индустриализованные» Италия и Нидерланды выдерживают и в целом сохраняют у себя более высокую демографическую нагрузку. Ибо перенаселение - функция одновременно и числа людей и ресурсов, которыми они располагают.

Э.П. Ашер различает в исторической демографии три уровня населенности. В нижней части шкалы - населенность зоны первопроходцев (ссылаясь на Соединенные Штаты, он говорит о «границе», *frontier*), т. е. самое начало заселения пространства, совсем не обработанного или мало обработанного человеком. Населенность на второй стадии (Китай, Индия до XVIII в., Европа до XII или XIII в.) колеблется между 15 и 20 человеками на кв. км. Затем наступает «густая» населенность - бол ее 20 человек на кв. км. Эта последняя цифра, быть может, чересчур скромна. Но очевидно, что по традиционным нормам та плотность населения, которую мы отмечали в 1600 г. для Италии, Нидерландов и Франции (44, 40 и 34), уже соответствует состоянию демографической напряженности. Заметим, что, по подсчетам Жана Фурастье, для Франции времен Старого порядка, чтобы обеспечить пищей одного человека, требовалось, с учетом севооборота, 1,5 га пахотной земли⁹¹. Это примерно столько же, сколько указывает Даниэль Дефо в 1709 г.: 3 акра доброй земли, или 4 акра земли

---

⁸⁷ В зависимости от того, считать ли население мира за 400 или 500 млн человек.

⁸⁸ Beloch K.J. *Art. cit.*, S. 36, note 11.

⁸⁹ Usher A. P. *Art. cit.*, p. 131.

⁹⁰ Bechtel H. *Op. cit.*, S. 25-26

⁹¹ Fourastie J. *Machinisme et bien-être* 1962, p. 40-41

среднего качества (т. е. от 1,2 до 1,6 га)⁹². Всякая демографическая напряженность влечет за собой - и мы это увидим - либо выбор в пользу того или иного продукта питания, в особенности между мясом и хлебом, либо преобразование земледелия, либо же обращение к широкой эмиграции.

Эти замечания подводят нас лишь к преддверию существеннейших проблем истории населения. Среди всего прочего, нам следовало бы знать соотношение городского и сельского населения (это соотношение составляет важнейший индикатор истории роста в прежние времена) и лучше представлять себе форму сельских поселений в соответствии с нормами географии расселения. Скажем, в конце XVIII в. около Санкт-Петербурга разбросаны далеко друг от друга грязные хутора финских крестьян; дома немецких колонистов стоят небольшими группами; русские же деревни в сравнении с ними - крупные поселения⁹³. Центральная Европа к северу от Альп знает лишь довольно небольшие деревни. Получив возможность познакомиться с многочисленными поземельными планами старинных имений Розенбергов, а затем Шварценбергов в Чехии вблизи австрийской границы, в области, где в многочисленных искусственных прудах разводили карпов, щук и окуней; а также с документами центральных архивов в Варшаве, я был поражен крайне малыми размерами этих многочисленных деревенок Центральной Европы в XVII-XVIII вв.: зачастую всего десятков домов... Нам здесь далеко до городов-деревень Италии или до больших поселков между Рейном, Маасом и Парижским бассейном. И не была ли эта незначительность деревень в стольких странах Центральной и Восточной Европы одной из главных причин, определявших судьбы крестьянства? Оно оказывалось тем более безоружным перед лицом сеньера, что у него отсутствовало чувство локтя, присущее жителям крупных общностей⁹⁴.

КАКИЕ ЕЩЕ ИДЕИ ПОРОЖДАЕТ КАРТА ГОРДОНА ХЬЮЗА

Таких идей по меньшей мере три.

1. Большая устойчивость местоположения «культур» (первоначальных достижений человека) и «цивилизаций» (его дальнейших успехов), ибо это размещение было воссоздано, отправляясь от нынешних времен, простым регрессивным методом отсчета. Значит, их конфигурация стабильна, а их совокупность представляет некую географическую характеристику, столь же устойчивую, как Альпы, Гольфстрим или течение Рейна.

2. Эта карта также показывает, что до господства Европы весь мир уже был разведан и освоен человеком на протяжении веков или тысячелетий. Человек останавливался лишь перед великими препятствиями: необъятными просторами морей, труднодоступными горами, громадными лесными массивами (Амазонии, Северной Америки, Сибири) и огромными пустынями. И все же если взглянуть пристальнее, то не окажется морского пространства, которое бы очень рано не побудило людей к приключениям и не раскрыло бы свои тайны (муссоны Индийского океана известны со времен античной Греции). Не было ни одного горного массива, в котором не обнаружили бы свои проходы и перевалы; не было лесов, куда бы человек не проник; не было пустынь, которые бы он не пересек. Что касается «пригодного для обитания и плавания» пространства мира⁹⁵, то нет ни каких сомнений: любая мельчайшая его частичка уже до 1500 р.

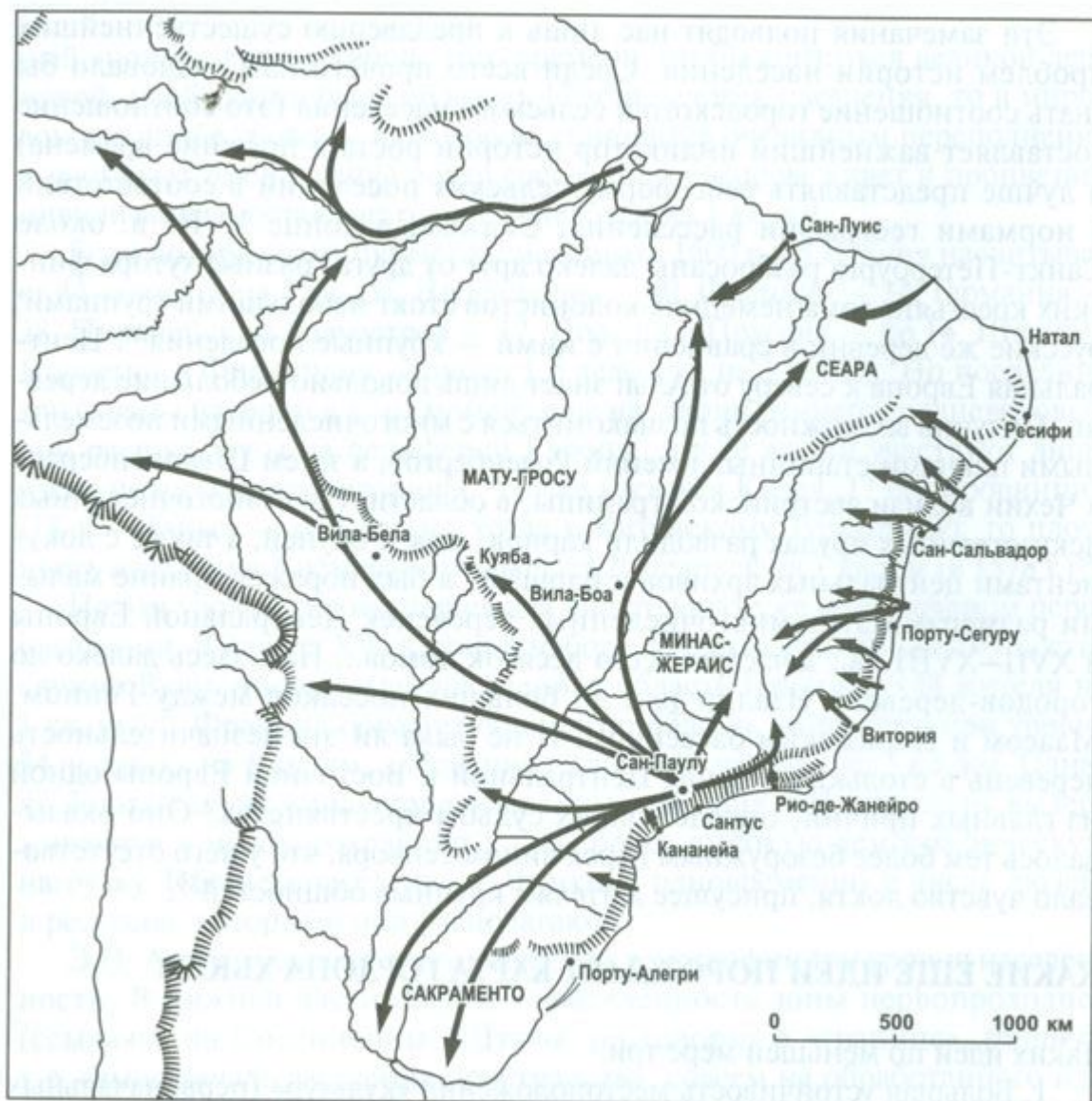
⁹² Defoe D. *A Review of the State of the British Nation*. 1709, p. 142, цит. по: Pollard S. et Crossley D.W. *The Wealth of Britain 1085-1966*. 1968, p. 160

⁹³ Georgi J.G. *Versucheiner Beschreibungder... Residenzstadt St. Petersburg*. 1790. S. 555,561

⁹⁴ Beckmann J. *Beitrdge iur Okonomie...* 1781, IV, S. 8. Бекман замечает в связи с осушением болот в герцогстве Бременском: «Малые деревни [в 25-30 очагов] легче привести к повиновению, нежели крупные, о чем говорит опыт».

⁹⁵ Diderot D. *Op. at. Supplément au voyage de Bougainville*. 1958, p. 322

(да и до 1400 или 1300 г.) имела своего собственника, своих пользователей (usufruitiers). Даже суровые пустыни Старого Света дают приют воинственным объединениям кочевников (№ с 30-го по 36-й), о которых нам еще придется говорить в этой главе. Короче, Вселенная, «наше древнее обиталище»⁹⁶ была открыта давно, задолго до Великих открытий. Самый перечень растительных богатств был составлен настолько точно «с самого начала писаной истории, что ни одно пищевое растение, имеющее значение для всех людей, не было прибавлено к перечню тех растений, что были известны раньше, - настолько внимательным и полным было обследование, которому первобытные люди подвергли растительный мир»⁹⁷

Бразильские экспедиции (бандейры) (XVI–XVIII вв.)

Бандейры отправлялись главным образом из города Сан-Паулу. Паулисты прошли по всей внутренней Бразилии. (По данным А. д'Эскрантоль-Тонэ.)

Итак, вовсе не Европа открывает Америку или Африку, не она срывает покровы с этих таинственных континентов. Исследователи Центральной Африки в XIX в., которых так восхваляли еще вчера, путешествовали на плечах черных носильщиков. И большая их ошибка, ошибка всей тогдашней Европы заключалась

⁹⁶ Diderot D. *Op. cit*

⁹⁷ Maurizio A. *Histoire de l'alimentation végétale* 1932, p. 15-16

в том, что они верили, будто открывают своего рода Новый Свет... Точно так же открывавшие Южноамериканский континент бандейранты⁹⁸ из Сан-Паулу, города, основанного в 1554 г., эпопея которых заслуживает восхищения, в течение XVI, XVII и XVIII вв. лишь открывали заново старые тропы и доступные для пирог реки, использовавшиеся индейцами. И в основном именно португало-индейские метисы, эти мамлюки (Mamelucos), как бы вели их за ручку⁹⁹. Такая же история произошла и с французами, открывшими в XVII и XVIII вв. благодаря канадским метисам, этим «обугленным» („Bois Brules"), земли от Великих озер до Миссисипи. Европа открывала мир повторно, и очень часто чужими глазами, чужими ногами и чужим умом.

Что она сумела сделать сама, так это открыть Атлантику, овладеть ее трудными просторами, покорить ее течения и ветры. Эта поздняя победа открыла Европе двери и пути всех морей мира. С этого времени на службу белому человеку оказалось поставлено единство морей вселенной. Европа в ореоле славы - это флоты, корабли и еще раз корабли, пенные следы на водах морей. Это морские народы, порты, верфи. Петр Великий не заблуждался относительно этого во время первого своего путешествия на Запад (1697 г.): он отправляется в Голландию, на саардамские верфи возле Амстердама.

3. И последнее замечание. Узкие области с густым населением не всегда однородны. Наряду с прочно освоенными регионами (Западная Европа, Япония, Корея, Китай) Индонезия и Индокитай, по правде говоря, образуют зону, как бы лишь «засеянную» несколькими населенными областями. Да и сама Индия отнюдь не целиком освоена своими смешанного происхождения цивилизациями. Страны ислама - это ряд прибрежий, сахеля¹⁰⁰ по краям незанятых пространств и пустынь, по берегам рек, морей; они прилепились по бокам Черной Африки, на Рабском берегу (Занзибар), как и в излучине Нигера, где снова и снова создаются воинственные мусульманские империи. Даже Европа на востоке, за пределами диких пограничных районов, смотрит в пустоту.

КНИГА ДИКИХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

Соблазн видеть одни только цивилизации всегда велик: ведь они - главное. К тому же цивилизации проявили чудеса изобретательности, дабы воспроизвести свой древний облик, свои орудия, костюмы, дома, обычаи, даже свои традиционные песни. Нас ждут их музеи. Вследствие этого каждая их «клеточка» имеет хорошо известную окраску. Часто все тут самобытно: ветряная мельница в Китае вращается в горизонтальной плоскости; в Стамбуле внутренняя сторона браншей ножниц изогнута, а роскошные ложки сделаны из перцевого дерева. Японская наковальня, как и китайская, не похожа на нашу. Суда в Красном море и в Персидском заливе построены без единого гвоздя... И каждая «клеточка» имеет свои растения, своих домашних животных - во всяком случае, свои способы их использования, свои предпочтительные формы домов, исключительно свою местную пищу... Один запах кухни может воскресить в памяти облик целой цивилизации.

Однако цивилизации - это вовсе не вся соль земли людей и не вся ее краса. За их пределами, а иной раз прорезая сам их массив или окружая их по периметру, потихоньку идет первобытная жизнь, и обширные пространства образуют «окна». Именно в этих районах надлежит представить себе сюжеты

⁹⁸ Так называли участников вооруженных отрядов, создававшихся для занятия и освоения новых земель португальскими колонистами.- *Прим. ред*

⁹⁹ Escragnolle Taunay A. *Historia geral das bandeiras paulistas* 1924, 5 vol

¹⁰⁰ Сахеля (араб. Буквально берег) – природная (сухая саванна) и историко-культурная область вдоль южной границы Западной и Центральной Сахары.- *Прим. Ред.*

книги о диких людях и зверях, или золотой книги древнего мотыжного земледелия, рая в глазах людей цивилизованных (ибо при случае они здесь охотно освобождаются от привычных ограничений).

Наибольшее число картин этих диких человеческих общностей даст нам Дальний Восток - на островах Индонезии, в горах Китая, в северной части японского острова Иессо [Хоккайдо,-Ред.], на Формозе или в Самом центре такой контрастной Индии. У Европы нет таких «дикарей» - малых народов, выжигающих, «пожирающих» лес на высоких местах, чтобы на незатопляемой земле этих рощистей возделывать рис¹⁰¹. Европа очень рано «приручила» своих горцев, одомашнила их, не относясь к ним как к париям. Напротив, на Дальнем Востоке не было ни этих связей, ни этих сложностей. Бесчисленные столкновения отличает здесь беспощадная жестокость. Китайцы беспрестанно воюют со своими дикими горцами - скотоводами, обитателями «вонючих домов». Такие же конфликты происходят в Индии. В 1565 г. в Декане конница и артиллерия мусульманских султанов с севера в битве при Таликоте нанесли смертельный удар индуистскому царству Виджаянагар. Победители не сразу заняли его огромную столицу, но город остался без защиты, без повозок и тягловых животных-все ушло с войском¹⁰². И тогда на столицу обрушились дикие народы из соседних лесов и джунглей-бринджари, ламбади, куруба - и разграбили ее до основания.

Но эти дикари как бы заключены в кольцо враждебных им цивилизаций, окружены ими. Настоящие дикие люди находятся в других местах и вполне свободны, правда на ужасно неудобных территориях и у пределов населенных областей. Это маргинальные народы (Randvolker) Фридриха Ратцеля, «неисторические» («geschichtlos») народы немецких историков и географов (но справедливо ли такое утверждение?). Вчера на крайнем севере Сибири «12 тыс. чукчей жили на пространстве в 800 тыс. кв. км, а тысяча ненцев - на 150 тыс. кв. км обледеневшего полуострова Ямал»¹⁰³. Ибо «обычно именно наименее обеспеченные группы людей требуют наибольших пространств»¹⁰⁴, если только это утверждение не стоило бы перевернуть: на таких огромных, но враждебных человеку пространствах могут сохраняться лишь простейшие формы общественной жизни, поддерживаемой выкапыванием из земли корней и клубней растений или устройством западней для диких животных.

Во всяком случае, там, где население становится редким, даже на пространствах, которые представляются мало удобными, а то и не поддающимися использованию, кишат дикие звери. Отдалиться от людей означает встретиться с ними. Когда читаешь рассказы путешественников, кажется, будто на тебя идут все звери земли разом. Вот азиатские тигры, рыщущие вокруг деревень и городов, и, по словам одного из путешественников XVII в., добирающиеся вплавь в дельте Ганга до рыбаков, уснувших в своих лодках, и нападающие на них. Еще в наше время на Дальнем Востоке вокруг горных поселков выжигают заросли, чтобы удержать на расстоянии страшного людоеда¹⁰⁵. С наступлением ночи никто не чувствует себя в безопасности, даже внутри жилищ. В маленьком городке близ Кантона, где пребывают в плену иезуит де Лас Кортес и его товарищи по несчастью (1626 г.), человек выходит из хижины и его утаскивает тигр¹⁰⁶. А китайская картина XIV в. изображает огромного тигра с розовыми пятнами на

¹⁰¹ Condominas G. *Nous avons mangé la forêt de la Pierre-Genie Gdo...*, 1957

¹⁰² Prasad I. *L'Inde du VIIe au XVIe siècle* 1930. — «*Histoire du monde*». P.p. E. Cavaignac, VIII, p. 459-460.

¹⁰³ Sorre M. *Les Fondements de la géographie humaine*. III, 1952, p. 439

¹⁰⁴ Vidal de la Blache P. *Op. cit.*, p. 35

¹⁰⁵ Condominas G. *Op. cit.*, p. 19

¹⁰⁶ P. de Las Cortes. *Relation del viaje, naufragio y captiverio...*, 1621-1626, British Museum, Sloane, 1005

шкуре среди ветвей цветущих фруктовых деревьев; он здесь явно хорошо знакомое чудовище¹⁰⁷. Пожалуй, по правде говоря, слишком хорошо знакомое по всему Дальнему Востоку.

Сиам - это долина реки Менам; на реке - вереницы домов на сваях, рынки, жилища на лодках, переполненные своими обитателями. По краю долины - рисовые поля и два-три города, в том числе столица. А дальше - обширные леса, огромные пространства, залитые водами реки. На редких «пяточках» незаливаемых лесных земель обитают дикие тигры и слоны и даже, как утверждает Э. Кемпфер¹⁰⁸, серны. Другое чудовище - лев - царит в Эфиопии, в Северной Африке, в Персии около Басры, да и на пути в Афганистан через Северо-Западную Индию. В реках Филиппин кишат крокодилы¹⁰⁹, на прибрежных равнинах Суматры и Индии, на плоскогорьях Ирана хозяйничают кабаны. К северу от Пекина регулярно охотятся на диких лошадей, ловя их с помощью лассо¹¹⁰. По словам Джемелли Карери, в горах вокруг Трапезунда выли дикие собаки, мешая ему спать¹¹¹. На небольших диких коров яростно охотятся в Гвинее, в то же время все бежит перед стадами слонов и гиппопотамов, этих «морских лошадей» (sic!), которые в тех же областях опустошают поля «риса, проса и прочей зелени... Порой видели их стада в триста-четырееста голов разом»¹¹². В огромной Южной Африке, пустой и безлюдной за пределами районов, прилегающих к мысу Доброй Надежды, наряду с очень редкими людьми, «по образу жизни более напоминающими зверей, нежели людей», встречаются «свирепые» животные - множество львов и слонов, которые считаются самыми крупными в мире¹¹³. Это удобный случай вспомнить о слонах в Северной Африке, во времена Карфагена и Ганнибала, перенесясь мысленно на много веков назад и на другой конец континента. Можно также вспомнить и о настоящей охоте на слонов (тоже севернее, в центре Тропической Африки), которая с XVI в. давала европейцам огромное количество слоновой кости¹¹⁴.

Что касается волков, то они распространены по всей Европе от Урала до Гибралтарского пролива, а в горах ее везде властвуют медведи. Повсеместное наличие волков, озабоченность, которую они вызывают, делают охоту на них показателем «здоровья» деревень и даже городов, свидетельством минувших добрых лет. Как только ослабевает внимание к борьбе с ними, при экономическом спаде, при суровой зиме, волки делаются многочисленными. В 1420 г. стаи волков проникают в Париж через бреши в крепостных стенах или через плохо охраняемые ворота; а в сентябре 1438 г. они снова тут как тут и нападают на людей - на сей раз за пределами города, между Монмартром и Сент-Антуанскими воротами¹¹⁵. В 1640 г., переправившись через реку Ду возле городских мельниц, волки появились в Безансоне и «поедали детей на улицах»¹¹⁶. Учрежденные Франциском I около 1520г. «великие егермейстеры» устраивают большие облавы, к которым привлекают сеньеров и обитателей деревень; так было еще в 1765 г. в Жеводане, где «опустошения, причиняемые волками,

¹⁰⁷ Амстердам. Национальный музей, Азиатский отдел

¹⁰⁸ *Beschreibung desjapanischen Reiches*. 1749, S. 42

¹⁰⁹ Mandelslo J.A. *Voyage aux Indes orientales*. 1659, II, p. 388; Rapport W. Bolts, A.N., A.E., B III, 459 19 messidor an V

¹¹⁰ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 12

¹¹¹ Gemelli Careri G.F. *Voyage du tour du monde*. 1727, 1, p. 548.

¹¹² Pere Labat J.-B. *Op. cit.*, V, p. 276-278

¹¹³ 106 Mandelslo J.A. *Op. cit.*, II, p. 530; Abbé Prévost. *Op. cit.*, V, 1748, p. 19U (Kolbcii,

¹¹⁴ Abbé Prévost. *Op. cit.*, III (1747), p. 180-181 et 645; V, p. 79-80

¹¹⁵ *Journal d'un bourgeois de Paris sous Charles VI et Charles VII*. 1929, p. 150, 304, 309.

¹¹⁶ Rounel G. *La ville et la campagne au XVIIe siècle* 1955, p. 38, note 117

породили легенду о существовании какого-то чудовищного зверя»¹¹⁷. В 1779 г. один француз писал: «Кажется, что во Франции пытаются уничтожить самый вид волков, как сделали это более шестисот лет назад в Англии; но нелегко изловить их в такой обширной и столь открытой со всех сторон стране, как наша, хотя это и оказалось осуществимо на острове вроде Великобритании»¹¹⁸. Но разве не обсуждали депутаты торгового сословия в 1783 г. предложение, внесенное несколькими годами ранее, а именно: «Ввезти в Англию волков, в числе достаточном для уничтожения большей части населения»¹¹⁹. Даже в отношении волков Франция, связанная с землями континента, с далекими лесами Германии или Польши, не может избежать последствий своего географического положения перекрестка. Еще в 1851 г. в Веркоре было полно волков¹²⁰.

Более приятную картину являли собой рябчики, фазаны, белые зайцы и белые куропатки в Альпах, красные куропатки, которых вспугнули около Малаги лошади Томаса Мюнцера, нюрнбергского врача, путешествовавшего в 1494 г. вместе с друзьями в гористых глубинных районах Валенсии¹²¹. В начале XVI в. наблюдалось нашествие диких животных в вюртембергском районе Рауэ-Альб; но крестьянам было запрещено использовать против них крупных собак: на это имели право только лесничие¹²². В Персии полным-полно кабанов, оленей, косуль, газелей, львов, тигров, медведей, зайцев; а кроме того, огромное количество голубей, дикий гусей, уток, горлиц, воронов, цапель и два вида куропаток.¹²³..

Естественно, чем больше свободное от людей пространство, тем больше обитает там животных. Иезуит Вербист (1682 г.), путешествовавший по Маньчжурии в составе колоссальной, в 100 тыс. лошадей, свиты китайского императора, ворча и валясь с ног от усталости, присутствовал при фантастических охотах: за один только день было убито 1000 оленей и 60 тигров¹²⁴. На острове Маврикий, в 1639 г. еще не имевшем населения, горлицы и зайцы настолько многочисленны и настолько непуганы, что их ловят руками¹²⁵. Во Флориде в 1690 г. диких голубей, попугаев и прочих птиц было такое огромное количество, «что отсюда часто вывозят полными кораблями яйца и птицу»¹²⁶.

Конечно же, в Новом Свете все выглядит как преувеличение. Здесь в изобилии существуют необитаемые зоны (*despoblados*), а между ними на огромных расстояниях друг от друга рассеяны немногие маленькие городки. На территории будущей Аргентины для переезда из Кордовы в Мендосу в 1600 г. Лисарраге, епископу Сантьяго-де-Чили, потребовалось 20 дней при той скорости, с какой двигались 12 больших деревянных повозок, влекомых 30 парами быков¹²⁷. Здесь было мало местных животных, если исключить страусов, лам и дальше к

---

¹¹⁷ Babeau A. *Le Village sous l'Ancien Régime*. 1915, p. 345, note 4 et p. 346, note 3, Bal-melle M. *La Bête du Gévaudan et le capitaine de dragons Duhamel*. — *Congrès de Mende*, 1955.

¹¹⁸ A.N., Maurepas, A. P., 9

¹¹⁹ A.N., F 12, 721

¹²⁰ Blache J. *Les Massifs de la Grande Chartreuse et du Vercors*. 1931, 11, p. 29

¹²¹ *Viaje par Espana y Portugal (1494-1495)*. 1951, p. 42

¹²² Ссылка утеряна, но несколько аналогичных указаний см. в кн.: Franz G. *Der deutsche Bauernkrieg*. 1972, S. 79 sq.

¹²³ Tavernier J.-B. *Voyages en Perse*. Ed. Cerele du bibliophile, s.d., p. 41-43

¹²⁴ Josson H., Willaert L. *Correspondance de Ferdinand Verbiest, de la Compagnie de Jésus (1623-1688)*. 1938, p. 390-391

¹²⁵ Mandelslo J. A. *Op. cit.*, II, p. 523

¹²⁶ Coreal F. *Relation des voyages de Francois Coreal aux Indes occidentales... depuis 1666 jusqu'en 1697*. 1736, I, p. 40

¹²⁷ Lizarraga R. *Description del Peru, Tucumdn, Rio de la Plata y Chile* — «*Historiadores de Indias*», 1909, II, p. 644

югу-морских коров¹²⁸. Напротив, пустующие земли были заняты животными, завезенными из Европы (лошади, крупный рогатый скот), которые размножились в изобилии сами по себе. Огромные стада диких быков проложили по равнине постоянные пути сезонных передвижений; вплоть до XIX в. эти быки будут пастись на свободе. Табуны диких лошадей, сливаясь друг с другом, порой кажутся на горизонте какими-то холмами неопределенных очертаний. Разве не забавна воспринятая Лисаррагой всерьез история о промахах новичков в Америке (*chapetones*), над которыми всегда с полным правом потешается старожил (*baquiано*)! В пампе, где нет ни кусочка дерева, даже «размером с мизинец», такой «новенький» вдруг замечает вдали небольшой холмик (*monte*) и приходит в восторг: «Скорее туда, нарубим дров!»¹²⁹.

Можно было бы ограничиться этим анекдотом. Но для охотников до ярких картинок есть истории и получше, скажем о Сибири, открывшейся для русских в то же самое время, когда Америка открылась для западных европейцев. Весной 1776 г. русские офицеры слишком рано выехали из Омска и оказались на пути в Томск, когда начали вскрываться реки. Пришлось спускаться по Оби на импровизированном суденышке из выдолбленных древесных стволов, связанных вместе. Это опасное плавание тем не менее оказалось, по словам описавшего его военного врача, швейцарца по происхождению, занимательным. «Я насчитал по меньшей мере 50 островов, на которых было так много лисиц, зайцев и бобров, что можно было видеть, как они подходят к самой воде... Мы имели удовольствие увидеть медведицу с четырьмя медвежатами, прогуливавшуюся вдоль реки». Прибавьте к этому «ужасающее количество лебедей, журавлей, пеликанов, диких гусей... разнообразных диких уток, особенно красных... Болота кишат выпями, бекасами, а в лесах полно водяных курочек, глухарей и другой птицы... После захода солнца эти тучи пернатых своими криками поднимали такой страшный шум, что мы не могли расслышать слов друг друга»¹³⁰. На окраине Сибири огромный, почти незаселенный полуостров Камчатка с начала XVIII в. начинает понемногу оживать¹³¹. Пушнина привлекает сюда охотников и купцов; эти последние доставляют шкурки в Иркутск, а оттуда меха попадают либо в Китай через расположенную по соседству ярмарку в Кяхте, либо в Москву, а оттуда на Запад. Мода на котиковый мех восходит к этому времени, прежде его использовали для одежды только аборигены и охотники. Как только цены подскочили, охота приобрела неожиданно гигантский размах. Около 1770 г. она превратилась в огромное организованное мероприятие. Суда, построенные и снаряженные в Охотске, имеют многочисленные экипажи, так как аборигены, с которыми слишком часто обходились жестоко, враждебны; случается, что они убивают людей, сжигают судно. С другой стороны, необходимо брать с собой продовольствие на четыре года, завозить издалека сухари и крупы.

Отсюда - огромные затраты на продовольственное снабжение, что отдает предприятие во власть далеких иркутских купцов; посредством системы паев они делят расходы и прибыли. Плавание охватывает район до дуги Алеутских островов и может продолжаться 4-5 лет. Охота производится в устьях рек, где котики буквально кишат. «Траппер» - промышленник - либо преследует в лодке животных, которым приходится подниматься на поверхность для вдоха, либо дожидается образования первого припая: на нем охотники и собаки легко настигают котиков, столь неповоротливых на суше, и, двигаясь от одного к другому, оглушают их на бегу, с тем чтобы потом добить. Иной раз участки припая

¹²⁸ *Voyage du capitaine Narborough (1669)*. — Abbé Prévost. *Op. cit.*, XI, 1753, p. 32-34.

¹²⁹ Lizarraga R. *Op. cit.*, II, p.642

¹³⁰ Kirchner W. *Eine Reise durch Sibirien* [relation de Fries] 1955, S. 75

¹³¹ Русские начали ее обследовать с 1696 г. (Abbé Prévost. *Op. cit.*, XVIII, p. 71)

отрываются от берега, унося в открытое море охотников, собак и туши котиков. Случается, что корабль, затертый льдами в северных морях, остается без дров и продовольствия. Команде приходится питаться сырой рыбой. Но эти трудности не останавливают нарастающего притока охотников¹³². Около 1786 г. в северной части Тихого океана появляются английские и американские суда. В этих условиях Камчатка быстро теряет все поголовье этих прекрасных животных; охотникам придется идти все дальше, к американскому побережью, вплоть до широты Сан-Франциско, где в начале XIX в. русские столкнутся с испанцами. Но «большая история» не слишком этим заинтересуется. Даже к концу XVIII в, на огромных пространствах мира встречается своего рода первобытная жизнь животного мира, и человек, появляющийся посреди этого рая, оказывается здесь трагической инновацией. Только меховой лихорадкой можно объяснить то, что 1 февраля 1793 г. корабль «Лайон», доставлявший в Китай посла Макартни, обнаружил на острове Амстердам в Индийском океане, почти на 40-м градусе южной широты, пятерых чудовищно грязных обитателей, трех французов и двух англичан. Бостонские суда, которые торгуют в Кантоне шкурами американских бобров или шкурами нерпы, добытыми на самом острове, высадили этих пятерых во время предыдущего рейса. И те устроили гигантское побоище: 25 тыс. животных за один летний сезон. Но тюлени были не единственными представителями островной фауны, здесь были также пингвины, киты, акулы плюс бесчисленные рыбы. «Несколько лесок с несколькими крючками на каждой было достаточно, чтобы добыть столько рыбы, что ее хватало для пропитания команды «Лайона» в течение целой недели». А у впадения в океан пресноводных потоков было полным-полно линеи, окуней, так же как и раков. «Матросы опускали в воду корзины с приманкой из акульею мяса и через несколько минут вытаскивали эти корзины, наполовину наполненные раками...» И прочие чудеса: пернатые - желтоклювые альбатросы, большие черные буревестники, так называемые «серебряные птицы», голубые буревестники - ночные птицы, их преследуют хищные птицы и охотники за тюленями, которые их приманивают, зажигая факелы, и «истребляют во множестве... они даже служат котиколовам основной пищей, и те говорят, что их мясо превосходно. Голубой буревестник размером примерно с голубя...»¹³³.

По правде говоря, до XVIII в., пожалуй, где угодно можно было раскрыть «книгу джунглей». Разумно будет ее закрыть, чтобы в ней не заблудиться. Но какое же она свидетельство слабостей человека при расселении его по свету!

ЗАВЕРШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО СТАРОГО ПОРЯДКА С НАСТУПЛЕНИЕМ XVIII ВЕКА

Что в XVIII в. рухнуло как в Китае, так и в Европе, так это биологический Старый порядок — совокупность необходимостей, препятствий, структур, отношений, количественных показателей, которые до того были нормой.

РАВНОВЕСИЕ ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЕТ В ИТОГЕ

Между движением рождений и смертей происходит нескончаемая игра. В целом при Старом порядке все завершается равновесием: оба коэффициента — рождаемости и смертности — располагаются рядом, на уровне 40%. То, что приносит жизнь, отбирает обратно смерть. Если в 1609 г. в маленькой общине Ла-Шапель-Фужере, ныне вошедшей в состав предместий Ренна, по данным записей

¹³² А.Е., М. et D., Russie, 7, 1774, f33 235-236; Georgi J.G. *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich*. I, 1775, p. 22-24

¹³³ Macartney G. *Op. cit.*, I, p. 270-275

в церковных книгах, состоялось 50 крещений¹³⁴, то можно, исходя из цифры 40 рождений на 1000 жителей (т. е. умножив число крещений на 25), предположить, что население этой большой деревни составляло примерно 1250 человек. Английский экономист Уильям Петти в своей «Политической арифметике» (1690) подсчитывал население на основе числа смертей, умножая его на 30 (что означает в конечном счете легкую недооценку смертности)¹³⁵.

На коротких временных отрезках актив и пассив идут голова в голову: если одерживает верх один из соперников, то другой сразу же реагирует. В 1451 г. чума унесла в Кёльне, как нам сообщают, 21 тыс. человек; а в последовавшие за этим годы здесь состоялось 4 тыс. браков¹³⁶. Даже если эти цифры преувеличены, как есть все основания полагать, все же наблюдается очевидная компенсация. В Зальцведе, маленьком местечке бранденбургского Альтмарка, в 1581 г. умирает 790 человек, т. е. вдесятеро больше, чем в обычное время. Число браков снизилось с 30 до 10. Но на следующий год, несмотря на уменьшение населения, состоялось 30 браков, за которыми последовали многочисленные компенсирующие рождения¹³⁷.

В Вероне в 1637 г., сразу же после чумы, которая, как говорят, унесла половину населения (правда, хронисты охотно преувеличивают), солдаты гарнизона, почти все — французы, и достаточно многочисленные, чтобы уцелеть при эпидемии, женятся на вдовах, и жизнь вновь ступает в свои права¹³⁸. Сильно пострадавшая от бедствий Тридцатилетней войны вся Германия по окончании смутного времени переживает демографический подъем. Это феномен компенсации, который оказывает благотворное влияние на страну, на четверть или наполовину опустошенную ужасами войны. Итальянский путешественник, посетивший Германию вскоре после 1648 г., в эпоху, когда численность населения Европы пребывала в состоянии застоя или снижалась, отмечал, что «было мало мужчин, способных носить оружие, но ненормально много детей»¹³⁹.

---

¹³⁴ См. исследование П. Губера (Goubert P.) — неизданные труды Практической школы высших исследований, VI секции

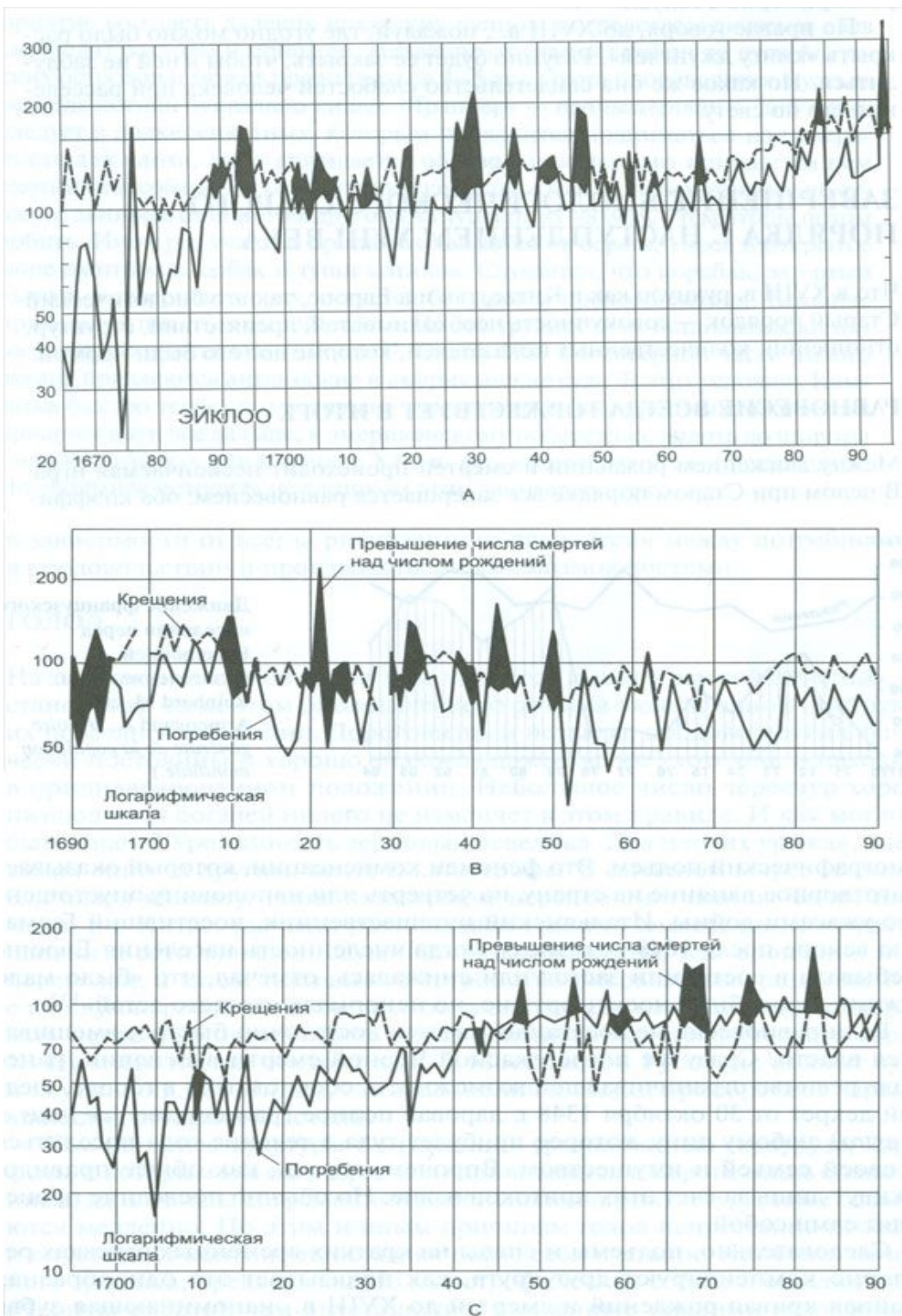
¹³⁵ Petty W. *Op. cit.*, p. 185

¹³⁶ Keyser E. *Bevölkerungsgeschichte Deutschlands*. 1941, S. 302, Schdnfelder W. *Die wiirtschaftliche Entwicklung Kolns von 1370bis 1513* 1970, S. 128-129. Ше'нфельдер говорит о 30 тыс. умерших.

¹³⁷ Franz G. *Der Dreissigjahrige Krieg und das deutsche Volk*. 1961, S. 7

¹³⁸ Moscardo L. *Historia di Verona* 1668, p. 492. и" Franz G. *Op. cit.*, p. 52-53

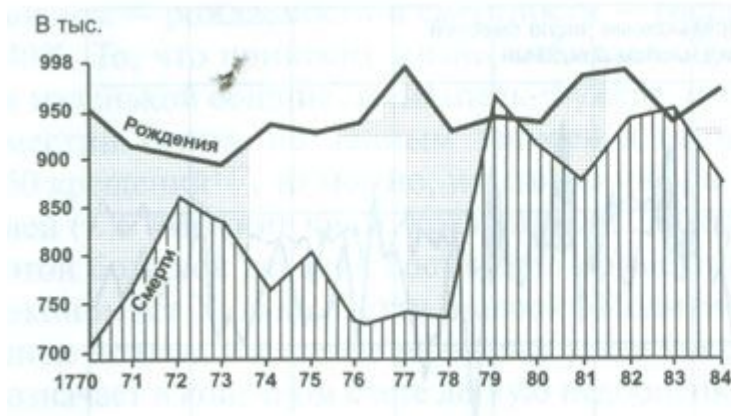
¹³⁹ Franz G. *Op. cit.*, p. 52-53

Демографические показатели в старину: крещения и погребения

Три примера: А — город во Фландрии В — город в Нижнем Провансе С — город в Бовези

Эти примеры среди сотен других показывают соотношение между смертностью и рождаемостью. Черные пики соответствуют периодам превышения смертности над рождаемостью. С XVIII в, число их уменьшается, хотя и не без исключений, как, скажем, в Эраге (график В). См. также скачки смертности во Франции в 1779 и 1783гг. (график нас. 44). [Графики составлены поданным М. Морино и А. де Во (А), Р. Баереля (В), П. Губера (С)-]

Движение французского населения перед Революцией
(Извлечение из кн.: Reinhard M. et Armengaud A. *Histoire générale de la population mondiale.*)

Если равновесие не восстанавливается достаточно быстро, вмешиваются власти. Сразу же после ужасной Черной смерти в Венеции, ранее столь ревниво ограничивавшей возможность обосноваться в городе, щедрый декрет от 30 октября 1348 г. даровал полное гражданство (*de inlm et de extra*) любому лицу, которое прибудет туда в течение года поселиться со своей семьей и имуществом. Впрочем, города, как общее прешло и живут лишь за счет этих притоков извне. Но обычно последние происходят сами собой.

Следовательно, подъемы и спады на кратких временных отрезках регулярно компенсируют друг друга, как показывает это однообразная двойная кривая рождений и смертей до XVIII в., напоминающая зубья пилы, где бы она ни была вычерчена на Западе, в Венеции или в Бове. Что же до малолетних детей, которые всегда под угрозой, и всех тех, кого ставит под угрозу скудость их ресурсов, то эпидемия весьма быстро «заботится» об их устранении. Бедняки всегда оказываются первыми жертвами. Эти века проходят под знаком бесчисленных примеров «социально обусловленного уничтожения беззащитных». В 1483 г. в Крепи, возле Санлиса, «третья часть [жителей] сего города нищенствует по стране, а старцы каждодневно умирают на гноищах»¹⁴⁰.

Только с XVI в. жизнь одержит верх над смертью, регулярно опережая с этого времени свою соперницу. Однако сохраняется возможность контратак последней — скажем, в той же самой Франции в 1772-1773 гг. или во время вырвавшегося из таинственных глубин кризиса 1779-1783 гг. (см. график).

Эти еще памятные тревоги показывают ненадежность последующего улучшения, которое оказывается под угрозой, пребывая в зависимости от всегда рискованного равновесия между потребностями в продовольствии и производственными возможностями.

ГОЛОД

На протяжении веков голод возвращается с такой настойчивостью, что становится элементом биологического режима людей, одной из структур их повседневной жизни. Дороговизна и нехватка продовольствия фактически постоянны и хорошо знакомы даже Европе, хотя она и находится в привилегированном положении. Небольшое число чересчур хорошо питающихся богачей ничего не изменяет в этом правиле. И как могло бы быть иначе? Урожайность зерновых невелика. Два плохих урожая, следующих один за другим, ведут к катастрофе. В западном мире, возможно благодаря климату, такие катастрофы нередко смягчаются. То же имеет место и в Китае, где рано развившаяся техника земледелия, сооружение плотин и сети каналов, служивших одновременно для орошения и для перевозок, а затем тщательное устройство

¹⁴⁰ Guenee B. *Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen Age (vers 1380 - vers 1550)* 1963, p. 57

рисовых плантаций на Юге, с их двумя урожаями в год, долгое время давали возможность поддерживать некое равновесие, даже после большого демографического взрыва XVIII в. Но не так обстоит дело в Московской Руси, где климат суров и неустойчив, и в Индии, где наводнения и засухи приобретают характер апокалиптических бедствий.

Тем не менее культуры с «чудесной» урожайностью (кукуруза, картофель, к которым мы еще вернемся) прививаются в Европе лишь с запозданием, да и методы современной интенсивной агрикультуры тоже осваиваются медленно. По этим и иным причинам голод непрерывно посещает и опустошает континент, оставляя после себя пустыни. Нет более печального зрелища, предвещающего катастрофические события середины века (Черную смерть), чем опустошения, вызванные тяжкими голодовками, следовавшими одна за другой с 1309 по 1318 г.: начавшись в Центральной, Северной и Восточной Германии, они распространяются на всю Европу — Англию, Нидерланды, Францию, Южную Германию, Прирейнскую область — и достигают ливонского побережья¹⁴¹.

Любой национальный подсчет дает крайне тяжкую картину. Франция, страна привилегированная, если таковая вообще была возможна, познала 10 голодовок в *масштабе всей страны* в X в., 26 — в XI, 2 — в XII, 4-в XIV, 7-в XV, 13-в XVI, 11 -в XVII и 16 голодовок- в XVIII в.¹⁴². Этот перечень, составленный в XVIII в., естественно, требует всяческих оговорок, но рискует он оказаться лишь слишком оптимистичным. В нем не приняты во внимание сотни и сотни голодовок *локальных*, которые не всегда совпадают с общим бедствием: такие как в Мене в 1739, 1752, 1770 и 1785 гг.¹⁴³, или такие как на юго-западе в 1628, 1631, 1643, 1662, 1694, 1698, 1709 и 1713 гг.¹⁴⁴

То же самое можно было бы сказать о какой угодно стране Европы. В Германии голод настойчиво посещает города и деревни. Даже когда наступают смягчение и благоприятные условия XVIII и XIX вв., катастрофы следуют одна за другой: голод 1730 г. в Силезии, голод 1771-1772 гг. в Саксонии и Южной Германии¹⁴⁵, голод 1816-1817 гг. в Баварии и за ее пределами; 5 августа 1817г. город Ульм благодарственными молебствиями отмечал возвращение к нормальной жизни после нового урожая.

Еще статистические данные: Флоренция, расположенная в краю не очень-то бедном, с 1371 по 1791 г. пережила 111 голодных лет против всего лишь 16 очень урожайных¹⁴⁶. Правда, Тоскана гориста, в ней преобладают виноградники и оливковые деревья, и до XIII в. благодаря своим купцам она могла рассчитывать на сицилийское зерно, без которого не смогла бы прожить.

Впрочем, не будем слишком легковверны, представляя себе, будто одни только города, привыкшие жаловаться, были подвержены этим ударам судьбы. В городах есть свои склады, свои запасы, свои «зерновые конторы» («*offices du blé*»), закупки за границей и вообще настоящая политика предусмотрительного муравья. Деревни, как это ни парадоксально, часто страдают гораздо больше.

Крестьянин, живущий в зависимости от купцов, от городов, от сеньоров, почти не имеет запасов. В случае голода ему не остается другого выхода, как уйти

¹⁴¹ Abel W. *Die Wustungen des ausgehenden Mittelalters*. 1955, S. 74-75

¹⁴² Moheau. *Recherches et considérations sur la population de la France 1778*, p. 264

¹⁴³ Domic F. *L'Industrie textile dans le Maine (1650-1815)*. 1955, p. 173.

¹⁴⁴ Berce Y.-M. *Histoire des croquants: étude des soulèvements populaires au XVIIe siècle dans le Sud-Ouest de la France*. 1974,1, p. 16

¹⁴⁵ Blaich F. *Die Wirtschaftspolitische Tdtigkeit der Kommission zur Bekämpfung der Hungersnot in Bohmen und Mdhren (1771-1772)*. — «*V'erteljahrschrift fur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*», 56, 3, Okt. 1969, p. 299-331

¹⁴⁶ «*Altnanacco di economia di Toscana del anno 1791*». Firenze, 1791, цит. в: Braudel F. *Médit...* I, p. 301

в город, кое-как пристроиться там, нищенствовать на улицах, а часто и умирать там на площадях, как это и происходило еще в XVI в. в Венеции и Амьене¹⁴⁷.

Городам скоро пришлось обороняться от этих постоянных н.пмач-вий, в которых участвовали не одни только нуждающиеся из окрестностей, но которые приводили в движение настоящие армии бедняков, порой приходившие очень издалека. В 1573 г. город Труа увидел, как на его полях и улицах появились нищие — «чужаки», изголодавшиеся, в отрепьях, покрытые вшами и паразитами. Им разрешили остаться там только двадцать четыре часа. Но вскоре буржуа забеспокоились, опасаясь «соблазна» для бедняков самого города и близлежащих деревень. «Дабы их заставить уйти, со всего города собрались в городском совете богатые жители и управители сказанного Труа, желая отыскать способ помочь этой беде. Постановление сего совета было таково, что их надо выставить прочь из города.., Того ради повелели испечь весьма много хлеба, дабы раздать его сказанным бедным, коим бы велели собраться у одних из ворот города своего, не открывая тайны; и, выдав каждому по хлебу и по монете, заставили бы их выйти из города через сказанные ворота, каковые закрыли бы за последним из них. А им бы объяснили со стен, чтобы шли они с Богом искать пропитания в иных местах, в сказанный же Труа не возвращались до зерна нового урожая. Что и было сделано. Кто был сильно напуган после данного случая, так это бедняки, изгнанные из города Труа...»¹⁴⁸.

Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в. Проблемой было лишить бедняков возможности причинить вред. В Париже больных и инвалидов всегда помещали в госпитали, здоровых же использовали на тяжелых и изнурительных работах по бесконечной очистке городских рвов и канав, притом скованными по двое. В Англии в конце правления Елизаветы появляются «законы о бедных» («*poor laws*»), фактически — законы *против* бедных. Мало-помалу по всему Западу умножается число домов для бедняков и нежелательных лиц, где помещенный туда человек осужден на принудительный труд — в *работных домах* (*workhouses*), как и в немецких «воспитательных домах» («*Zuchthäuser*») или во французских «смирительных домах» («*maisons de force*»), вроде, например, того комплекса полутюрем, который объединила под своим управлением администрация парижского Большого госпиталя, основанного в 1656 г. Это «великое заточение» бедняков, душевнобольных, правонарушителей, сыновей, которых их родители таким способом помещают под надзор, — один из психологических аспектов общества XVII в., общества благоразумного, но беспощадного в своем благоразумии. Но это, быть может, почти неизбежная реакция на возрастание нищеты в том трудном веке. Многозначительный факт: в Дижоне в 1656 г. городские власти пошли даже на то, чтобы запретить горожанам оказывать частную благотворительность и давать приют бедным. «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»¹⁴⁹.

Такова картина в Европе. В Азии — в Китае, в Индии — все обстоит гораздо хуже: там голодовки выглядят чуть ли не как конец света. В Китае все зависит от риса южных провинций, в Индии — от спасительного риса Бенгала, от пшеницы и проса северных областей; но все это надо доставлять на громадные расстояния.

¹⁴⁷ Что касается Венеции см.: A.d.S. Venezia, Brera, 51, Г 312 v° 1540. Относительно Амьена см.: Deyon P. *Amiens, capitale provinciale. Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle* 1967, p. 114 et note

¹⁴⁸ *Mémoires de Claude Haton*. — «*Documents inédits de l'histoire de France*», II, 1857, p. 727-728.

¹⁴⁹ Roupnel G. Op. dr., p. 98

И каждый удар влечет за собой далеко идущие последствия. Голод 1472 г., который сильно ударил по Декану, вызвал широкую эмиграцию уцелевших от бедствия в Гуджарат и Малву¹⁵⁰. В 1555 и 1596 гг. во время сильного голода, охватившего всю Северо-Западную Индию, наблюдались, по словам хронистов того времени, сцены людоедства¹⁵¹.

И такой же ужасный голод обрушился на Индию в 1630—1631 гг., охватив почти всю страну. Один голландский купец оставил нам ужасающее его описание. «Люди бродят тут и там, — пишет он, — не имея пристанища, покинув свой город или свою деревню. Их состояние видно сразу же: глубоко запавшие глаза, бесцветные губы, покрытые пеной, иссохшая кожа, под которой проступают кости, живот, висящий словно пустой мешок. Иные плачут или воют от голода. Другие в агонии валяются на земле». К этому добавляются обычные драмы: оставление жен и детей, продажа детей родителями или же родители, чтобы выжить, продают себя сами, коллективные самоубийства... и тогда изголодавшиеся люди вскрывают животы мертвых или умирающих «и поедают их внутренности». Наш купец продолжает: «Сотни и сотни тысяч людей умирали, так что страна была вся покрыта трупами, остававшимися без погребения. От них шло такое зловоние, что воздух был наполнен и заражен им., в одной деревне человечина продавалась на рынке»¹⁵².

Даже когда документы не содержат таких подробностей, довольно бывает одной детали, чтобы вызвать ужас. В 1670 г. персидский посол, посетивший могольского императора Аурангзеба, возвращается домой в сопровождении «бесчисленных рабов» (правда, всех их у него отнимут на границе), которых «он получил почти даром по причине голода»¹⁵³.

Если вернуться в привилегированную Европу, то туда прибываешь закаленным, утешенным или покорным судьбе, как будто возвратясь из путешествия на край ночи. Подобные ужасы действительно встречаются там лишь в ранние, темные века западного Средневековья или же на восточных ее окраинах, где наблюдается подобное отставание. Если, как пишет один историк, мы хотим судить «о катастрофах истории по числу жертв, которые они уносят, то голод 1696—1697 гг. в Финляндии должно рассматривать как самое жуткое событие европейской истории»: тогда исчезла четверть или треть ее населения¹⁵⁴. Восток оказывается худшей частью Европы. Голод продолжает долго свирепствовать там и после XVIII в., невзирая на отчаянные попытки справиться с ним, прибегая к «пище голодных времен» — диким травам и плодам, одичавшим культурным растениям, которые находят среди полевых, садовых и пнях сорных трав или на лесных опушках.

Однако эта ситуация иной раз вновь возникает и в Западной Европе, особенно в XVII в., в «малый ледниковый период». В 1662 г. в районе Блуа, как сообщает один свидетель, «подобной нищеты не видели в течение пяти столетий». Пища бедняков состояла из «капустных кочерыжек с отрубями, вымоченных в тресковом рассоле»¹⁵⁵. Именно в том же году бургундские выборные¹⁵⁶ в своих ремонтрансах королю докладывали, что «голод этого года пресек или обрек на смерть более 10 тыс. семей Вашей провинции, а треть

¹⁵⁰ Appadorai A. *Economic Conditions in Southern India (1000-1500 A.D.)*. 1936, p. 308

¹⁵¹ Moreland W.H. *Op. cit.*, p. 127-128

¹⁵² Описание Ван Твиста, цит. по: Moreland W.H. *From Akbar to Aurangzeb*. 1923, P. 211-212

¹⁵³ Bemier F. *Voyages... contenant la description des Etats du Grand Mogol...* 1699, 1, p. 202

¹⁵⁴ Jutikkala E. *Op. cit.*, p. 48

¹⁵⁵ Clément P. *Histoire de la vie et de l'administration de Colbert*, 1846, p. 118

¹⁵⁶ Выборные (*élus*) члены выборных коллегий (*élections*) были помощниками интенданта в раскладке податей. — *Примеч. ред.*

жителей даже добрых городов вынудил питаться травой»¹⁵⁷. Хронист добавляет к этому: «Некоторые из них там ели человечину»¹⁵⁸. Десятью годами раньше, в 1652 г., другой хронист, священник Машере, отмечал, что «народ Лотарингии и прочих окрестных мест доведен до столь великой крайности, что люди поедают траву на лугах, как животные, особенно жители деревень Пуйи и Парно в Бассиньи... и они черны и тоши как скелеты»¹⁵⁹. Один бургундец сообщал, что в 1693 г. «дороговизна зерна по всему королевству была столь велика, что люди там умирали с голоду»; в 1694 г. около Мёлана урожаи собрали до того, как созрели хлеба, ибо «множество людей жило, питаясь травой, как животные». В 1709 г. страшная зима выгнала на все дороги Франции бесчисленных бродяг¹⁶⁰.

Конечно, эти черные картины не следует помещать одну вслед за другой. И все же не будем слишком оптимистичны! Недостаток продовольствия и болезни, которые он за собой влечет, — цинга, особенно «расцветшая» с началом великих морских путешествий; пеллагра, в особенности в XVIII в., как следствие питания одной только кукурузой; бери-бери в Азии — все это признаки безошибочные. Не может ввести в заблуждение и устойчивое сохранение похлебок и супов в питании народа или хлеб, смешанный с разными низкосортными добавками и выпекаемый лишь с большими, в один-два месяца, промежутками. Почти всегда он бывал плесневелым и черствым. В некоторых областях его рубили топором. В Тироле хлеб с добавкой дробленого зерна, предназначенный для очень долгого хранения, выпекался дважды или трижды в году п-1. «Словарь Треву» (1771) без оковностей утверждает: «Крестьяне обычно довольно глупы, ибо питаются они лишь грубой пищей».

ЭПИДЕМИИ

Плохой урожай — это еще куда бы ни шло. Но дальше подскакивают цены, наступает голод, и он никогда не приходит один: рано или поздно он открывает путь эпидемиям, у которых, конечно же, есть и свой собственный ритм¹⁶¹. Главным, наводящим ужас действующим лицом выступает чума — «многоглавая гидра», «странный хамелеон», столь различная в своих формах, что современники, не слишком присматриваясь к ним, смешивают ее с другими заболеваниями. Самый видный персонаж пляски смерти, она — явление постоянное, одна из структур жизни людей.

Но по правде чума — лишь одна из болезней среди множества других. Она примешивается к их странствиям и к частому заражению ими благодаря социальной скученности, крупным скоплениям людей, в которых болезнь затаивается и дремлет, а потом в один прекрасный день происходит новая ее вспышка. Можно было бы написать целую книгу о густонаселенных цивилизациях, эпидемиях и эндемиях и о ритме, в котором исчезают, а потом возвращаются эти свирепые путешественницы. Если говорить об одной только оспе, то медицинское сочинение 1775 г., когда уже заговорили о прививках, оценивает ее как «самую распространенную из всех болезней»: из каждых 100 человек она поражает 95, и один из семи заболевших умирает¹⁶².

¹⁵⁷ Roupnel G. *Op. cit.*, p. 35, note 104

¹⁵⁸ *Journal de Gaudélet Ms. 748, EM. Dijon*, p. 94, цит. в кн.: Roupnel G. *Op. cit.*, p. 35, note 105

¹⁵⁹ *Journal de Clément Macheret... curé d'Horthes (1628-1658)*. P.p. E. Bougard, 1880, II, p. 142

¹⁶⁰ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 196

¹⁶¹ Замечание банальное, но получившее удачное подтверждение у Э. Флореска-Хофлорескано Е. *Precios del mail y crisis agricolas en Mexico, 1708—1810*. 1969), который сопоставил (табл. на с. 161) даты голодовок и различных эпидемий в Мексике XVIII в

¹⁶² Tissot S. *Avis au peuple sur sa santé*. 1775, p. 221-222

Но сегодняшний медик почти не смог бы поначалу ориентироваться среди этих заболеваний, замаскированных их тогдашними названиями и порой вводящими в заблуждение описаниями их симптомов.

Кстати сказать, ничто не дает нам права утверждать, что такие заболевания всегда были сопоставимы с теми, какие нам известны сегодня, ибо болезни видоизменяются, они имеют свою собственную историю, зависящую от возможной эволюции микроорганизмов и вирусов и от изменения человеческой среды, в которой они обитают¹⁶³. Только случай позволил недавно (1922) Гастону Рупнелю с помощью одного паразитолога из числа его друзей обнаружить переносимый вшами сыпной тиф, свирепствовавший в XVII в. в Дижоне и других местах под названием «пурпурной (или алой) лихорадки»¹⁶⁴. Это та самая «алая лихорадка», которая около 1780 г. «косила сотнями бедных парижан в Сен-Марсельском предместье... У могильщиков опускались руки»¹⁶⁵¹⁵⁸. Но вопрос о «пурпуре» еще не решен окончательно.

Что бы подумал сегодняшний практикующий врач об описанной Ги де Шолиаком (чья «Великая хирургия» выдержит с 1478 по 1895 г. 69 изданий) «чуме» 1348 г., с ее двумя характерными периодами: первый, довольно длительный (до двух месяцев), — лихорадка и кровохарканье; второй — абсцессы и легочные явления? Или же об этой эпидемии 1427 г., получившей в Париже малопонятное прозвище «ладендо» и описываемой как неизвестное заболевание: «Начиналась она с почек, как будто человек испытывал очень сильную почечную колику, а затем следовали озноб и дрожь, так что неделю или десять дней он не мог как следует ни пить, ни есть, ни спать». К этому добавлялся «кашель, настолько сильный, что, находясь на проповеди, невозможно было слышать, что говорит проповедник, из-за громкого кашля прихожан»¹⁶⁶. Несомненно, речь шла о гриппе, вызванном особым вирусом, типа гриппа, прозванного «испанкой» после первой мировой войны, или «азиатского гриппа», обрушившегося на Европу в 1956-1958 гг. ...Или вот еще болезнь, которую описывает нам л'Этуаль: «В начале апреля [1595] король [Генрих IV] сильно заболел острым воспалением слизистой, которое обезобразило все его лицо. Такие воспаления царили в Париже по причине больших холодов, стоявших несмотря на время года: от них последовало несколько странных и внезапных смертей, с чумой [курсив наш], которая распространилась в разных частях города. Все сие были бичи господни, и от них не было спасения ни для великих, ни для малых»¹⁶⁷. Зато сегодня исчезла болезнь Roupnel G. *Op. cit.*, p. 28-29, которая опустошала Англию с 1486 по 1551 г., ~ *просяная лихорадка*. Она поражала разом как сердечное, легочное и ревматическое заболевание, и больные, страдавшие сильным ознобом и обильным потоотделением, часто умирали в несколько часов. Пять крупных эпидемий — в 1486, 1507, 1518, 1529 и 1551 гг. — унесли бесчисленные жертвы. Любопытно, что, начинаясь почти всегда в Лондоне, они не затронули на Британских островах ни Уэльс, ни Шотландию. И только особенно сильная эпидемия 1529 г. распространилась на континент, пощадив Францию, но обрушившись на Фландрию, Голландию, Германию, вплоть до швейцарских кантонов¹⁶⁸.

¹⁶³ Grmek M.D. *Préliminaires d'une étude historique des maladies*. — «*Annales, E.S.C.*», 1969, N9 6, p. 1473-1483

¹⁶⁴ Roupnel G. *Op. cit.*, p. 28-29

¹⁶⁵ Mercier L.S. *Op. cit.*, III, p. 186-187

¹⁶⁶ Pasquier E. *Les Recherches de la France*. 1643, p. 111.

¹⁶⁷ Lestoile P. *Mémoires et Journal...* — «*Mémoires pour servir à l'histoire de France*», 2e série, t. I, 1837, p. 261.

¹⁶⁸ Haeser H. *Lehrbuch der Geschichte der Medizin*. III, 1882, S. 325 sq.

Но какую болезнь можно узнать в «незаразной» эпидемии августа 1597 г. в Мадриде, которая вызывала, как нам сообщают, опухоли в паху, под мышками, в горле? Как только наступала лихорадка, больные через пять-шесть дней выздоравливали и медленно приходили в себя либо очень быстро умирали. Это, кстати сказать, были бедняки, жившие в сырых домах и спавшие прямо на земле¹⁶⁹.

Другая трудность: болезни приходят вместе, «у них нет почти ничего общего между собой, кроме инфекции, — таковы дифтерит, холерина, брюшной тиф, "колючка" ("*picotte*"), оспа, алая лихорадка, "шишка" ("*bosse*"), "дендо" ("*dendo*"), "так" ("*tac*"), или "арион" ("*harion*"), европейская холера, или «горячка», да еще коклюш, скарлатина, гриппы, инфлуэнца...»¹⁷⁰. Этот перечень, составленный для Франции, с некоторыми вариантами можно обнаружить и в других странах. В Англии распространенные болезни — это перемежающаяся лихорадка, английская просяная лихорадка, хлороз, или «зеленая болезнь», желтуха, истощение, эпилепсия, ревматизм, мочекаменная болезнь, желчекаменная болезнь¹⁷¹.

Представим себе слабую сопротивляемость плохо питающегося и плохо защищенного населения перед этим массивным давлением! Признаюсь, меня наполовину убедила тосканская поговорка, которую я часто приводил: «Лучшее средство от малярии — хорошо наполненный котелок». Ведь по неопровержимому свидетельству очевидца, в России во время голода 1921-1923 гг. малярия вспыхнула по всей стране, обнаруживая одни и те же симптомы что в тропических областях, что рядом с Полярным кругом¹⁷². Совершенно очевидно, что недоедание было «множителем» заболеваний.

Еще одно правило, не знающее исключений: эпидемия перескакивает от одного человеческого массива к другому. Алонсо Монтекуколи, которого великий герцог Тосканский отправил в Англию, проедет, как он пишет 2 сентября 1603 г., через Булонь, а не через Кале, куда, глядя логике торговых связей, только что «просочилась» чума из Англии¹⁷³. Это лишь маленький пример наряду с теми мощными движениями, которые приносят на Запад чуму из Китая и Индии через всегда активно действующие транзитные пункты в Константинополе и Египте. Туберкулез тоже давно привычен для Европы: Франциск II (туберкулезный менингит), Карл IX (туберкулез легких), Людовик XIII (туберкулез кишечника) служат тому доказательством (1560, 1574, 1643). Но с XVIII в. в Европе обосновалась форма туберкулеза, пришедшая, вероятно, из Индии, — форма, которая окажется более вирулентной, чем та, что свирепствовала до того. Во всяком случае, она будет самым стойким заболеванием в Европе периода романтизма и всего XIX в. Опять-таки в Индии холера, существовавшая здесь как эндемическое заболевание (она вызывалась бациллой *-вибрионом*), в 1817 г. распространилась на весь полуостров, а затем вышла за его пределы, приняв масштабы сильной и страшной пандемии, вскоре докатившейся до самой Европы.

Вот еще один гость, и на сей раз именно на протяжении тех веков, которые служат нам объектом наблюдения: сифилис. В сущности, он восходит к доисторической эпохе, его следы несут на себе еще первобытные скелеты. Клинические случаи известны до 1492 г. Но скачок в распространении сифилиса

¹⁶⁹ A.d.S. Genova, Spagna, 11, Cesare Giustiniano— Doge, Madrid, 21 agosto 1597.

¹⁷⁰ Stein H. *Comment on luttait autrefois contre les épidémies*. — «*Annuaire bulletin de la société de l'histoire de France*», 1918, p. 130.

¹⁷¹ Jones-Davies M.T. *Un Peintre de la vie londonienne*. Thomas Dekker. 1958. p 334-335.

¹⁷² Société des Nations, *Rapport épidémiologique de la section d'hygiène*, № 48, Genève. 24 avril 1923, p. 3

¹⁷³ A.d.S. Firenze, fondo Medici, 2 sett. 1603

начинается со времени открытия доколумбовой Америки; как говорили, то был «подарок», мщение побежденных. Из четырех или пяти теорий, которых сегодня придерживаются медики, самой вероятной представляется, быть может, та, которая рассматривает создание или, вернее, «воссоздание» болезни как результат половых сношений между двумя расами (воздействие *treponema pertenue* на *treponema pallidum*)¹⁷⁴. Во всяком случае, болезнь в пугающих масштабах проявляется в Барселоне начиная с торжеств по случаю возвращения Колумба (1493), а затем распространяется галопом; это эпидемическая, скорая и смертельная болезнь. За четыре или пять лет она обойдет всю Европу, переходя из страны в страну под обманчивыми названиями: неаполитанская болезнь, французская болезнь, *thefrench disease* или *lo malfrancioso*. Эту терминологическую войну выигрывает Франция в силу своего географического положения. С 1503 г. цирюльники-хирурги Отель-Дье будут с большой претензией утверждать, будто они вылечивают заболевание с помощью прижигания каленым железом. В такой вирулентной форме сифилис достигнет в 1506-1507 гг. Китая¹⁷⁵. Затем благодаря применению ртути он примет в Европе свою классическую смягченную форму, медленно развивающуюся, против которой имеются свои лекарства; и свои больницы (*The Spittle* в Лондоне)¹⁷⁶. С конца XVI в. болезнь распространится на всю массу населения, от «нищих» и «нищенков» до сеньоров и государей. Малерб, которого называли Отец Похоть, «похвалялся, что трижды выгонял болезнь потом»¹⁷⁷. Знаменитый историк и врач Грегорио Мараньон добавил к обычному диагнозу, поставленному медиками прошлого Филиппу II, наследственный сифилитический фон, который без риска ошибиться можно задним числом приписать всем государям прошлого¹⁷⁸. Персонаж театра Томаса Деккера (1572-1632) высказывает то, что знал в Лондоне каждый: «Насколько верно, что в толпе наверняка есть карманники, настолько наверняка шлюха подцепит клиента в праздник св. Михаила, а после этого — сифилис»¹⁷⁹.

ЧУМА

Огромное «личное дело» чумы не перестает разрастаться, и объяснения накапливаются во все большем числе. Прежде всего, у болезни по меньшей мере две формы. С одной стороны — легочная чума, новая форма болезни, вырвавшаяся на историческую арену с пандемией 1348 г. в Европе. С другой — чума бубонная, более древняя (в паху образуются и загнивают бубоны). Это «метки господни» — *the God's tokens*, или чаще *tokens*, по-французски — *lacs*, напоминающие металлические или кожаные жетоны, которые пускают в обращение торговцы. «Случается, что и один бывает роковым...». Черная (легочная) чума обязана своим появлением вирусу, который переносят блохи крысы вида *Mus Rattus*. А этот вид, как говорили нам вчера, будто бы наводнил Европу и ее зернохранилища сразу же после крестовых походов. Он как будто отомстил за Восток, как в 1492 г. отомстила за едва только открытую Америку бледная спирохета. Несомненно, нужно отказаться от этого слишком простого морализирующего объяснения. Черная крыса, *Mus Rattus*, отмечена в Европе с VIII в., т. е. с эпохи Каролингов. И точно так же была известна крыса-пасюк, *Mus Decumanus*, якобы вытеснившая черную крысу, изгнав таким образом виновницу эпидемий, ибо сама она не служит переносчиком возбудителей чумы. Наконец,

¹⁷⁴ Price A.G. *Op. cit.*, p. 162

¹⁷⁵ Price A.G. *Op. cit.*, p. 162

¹⁷⁶ См.: Jones-Davies M.T. *Op. cit.*, p. 162

¹⁷⁷ Цит по: Grand-Carteret J. *L'Histoire, la vie, les mœurs et la curiosité par l'image... 1450-1900*. 1927, II, p. 322.

¹⁷⁸ См.: Antonio Perez. 1948, 2e edition, p. 50.

¹⁷⁹ Jones-Davies M.T. *Op. cit.*, p. 335.

сама черная чума в Центральную Европу пришла не в XIII в., как утверждали, а самое позднее в XI в. К тому же пасюк устраивается в подвалах домов, а домовая крыса живет преимущественно в зернохранилищах, по соседству с запасами, которыми она питается. И их нашествия скорее перекрывают, нежели исключают друг друга.

Все это не означает, что крысы и их паразиты не сыграли своей роли; наоборот, такую роль подтверждает очень тщательное исследование (с привлечением 30 тыс. документов), посвященное вспышкам чумы в Юльзене (Нижняя Саксония) в 1560—1610 гг.¹⁸⁰. Если отступление болезни в XVIII в. следует объяснять внешними условиями (экзогенными, как сказали бы экономисты), то напомним о замене деревянных домов каменными после больших городских пожаров XVI, XVII и XVIII вв., о возросшей чистоте внутри домов и личной гигиене и об удалении из жилых помещений мелких домашних животных, т. е. об устранении тех условий, которые позволяли вшам кишеть в домах. Но в этой области, где медицинские исследования продолжаются, даже после того, как Йерсен открыл в 1894 г. специфического возбудителя чумы, по-прежнему возможны неожиданности, которые могли бы опрокинуть наши объяснения. Сама бацилла сохраняется в почве некоторых областей Ирана, и именно там ею как будто заражаются грызуны. Итак, не оказались ли эти опасные области в XVIII в. в стороне от тех маршрутов, которые ведут в Европу? Я не решаюсь ни поставить такой вопрос, ни утверждать, что Индия и Китай, столь часто обвиняемые историками, имеют право на признание за ними смягчающих обстоятельств.

Каковы бы ни были *причина* или *причины*, но на Западе с XVIII в. бедствие смягчается. Последним ярким его проявлением станет знаменитая марсельская чума 1720 г. Но в Восточной Европе болезнь остается угрожающей: так, в 1770 г. Москва познакомилась с моровым поветрием. Аббат де Мабли напишет около 1775 г.: «Война, чума или Пугачев унесли столько людей, сколько не смог принести раздел Польши»¹⁸¹.

Страшная гостья еще появится в 1783 г. в Херсоне, а в 1814 г. — в Одессе. На территории Европы последние крупные нашествия чумы приходятся, насколько нам известно, не на Россию, а на Балканы — в 1828-1829 и 1841 гг. Речь идет о черной чуме, распространению которой вновь способствовали деревянные дома.

В свою очередь, бубонная чума остается эндемичной для жарких и влажных областей: Южного Китая, Индии, для Северной Африки — у самых ворот Европы. Чума в Оране, та, которую описал Альбер Камю, относится к 1942 году.

Предшествующее краткое изложение ужасающе неполно. Но слишком значительная документация своею массой бросает вызов отдельному историку. Необходима была бы требующая обширных познаний подготовительная работа, для того чтобы составить погодные карты локализации болезни. Они отметили бы ее глубину, ее размах, ее единообразные порывы между 1439 и 1640 гг. Безансон встречался с чумой 40 раз; Доль испытал ее в 1565, 1586, 1629, 1632, 1637 гг., а Савойя - в 1530, 1545, 1551, 1564-1565, 1570, 1580, 1587 гг. В XVI в. она десять раз охватывала весь Лимузен, двадцать два раза находила приют в Орлеане. В Севилье, где бьется тогдашнее сердце мира, болезнь наносит удары удвоенной силы в 1507-1508, 1571, 1582, 1595-1599, 1616, 1648-1649 гг.¹⁸² Всякий раз итог очень тяжел, даже если он и не достигает баснословных цифр, сообщаемых

¹⁸⁰ См.: Woehlkens E. *Pest und Ruhr im 16. und 17. Jahr.* 1954.

¹⁸¹ E., M. et D., *Russie*, 7, f 298.

¹⁸² См.: Chaunu P. *Séville et l'Atlantique* VHM, 1959, p. 290, note 1; Nicolas J. et R. *La Vie quotidienne en Savoie* 1979, p. 119.

хрониками, даже если случаются «малые» вспышки чумы, а порой и ложные тревоги.

Точные подсчеты для Баварии дают с 1621 по 1635 г. впечатляющие средние цифры: на 100 смертей в нормальный год приходится в «ненормальный» 155 — в Мюнхене, 195 — в Аугсбурге, 487 — в Байройте. 556 - в Ландсберге и 702 — в Штраубинге.. И каждый раз болезнь особенно сильно поражает детей до одного года и, как правило, больше женщин, чем мужчин.

Все эти цифры надлежит рассмотреть заново, сопоставить одни с другими, так же как важно сопоставить описания и изображения, ибо часто они рисуют одну и ту же картину, перечисляют одни и те же более или менее эффективные меры (карантины, стражу, надзор, ароматические курения, дезинфекции, заставы на дорогах, изоляцию, пропуск, свидетельства о состоянии здоровья — *Gesundheitspasse* в Германии, *cartas de salud* в Испании), те же безумные подозрения, ту же схему *социальных* отношений.

Как только объявляют о случаях заболевания, богачи, если могут, обращаются в поспешное бегство, направляясь в свои загородные дома. Всякий думает лишь о себе. «Эта болезнь делает нас более жестокими друг к другу, чем если бы мы были собаками», — писал в сентябре 1665 г. Семюэл Пепис¹⁸³. А Монтень рассказывает, как он, когда на его земли пришла эпидемия, «шесть месяцев служил жалким проводником» своему семейству, блуждавшему в поисках крыши над головой, «семейству, потерявшему, внушавшему страх своим друзьям и себе самим и вызывавшему ужас всюду, где оно пыталось осесть»¹⁸⁴. Что касается бедняков, то они остаются одни, согнанные в зараженный город, где государство их кормит, изолирует, где оно их держит взаперти и надзирает за ними. «Декамерон» Боккаччо — это собрание бесед и рассказов, имевших место на вилле близ Флоренции во время Черной смерти. В августе 1523 г. мэтр Никола Версори, адвокат в Парижском парламенте, покинул свое жилище; но в местечке Гранж-Бательер, тогда еще за пределами Парижа, куда он приехал в деревенский дом своих воспитанников, болезнь унесет его жену в три дня — исключение, которое не оспаривает ценности применения обычных предосторожностей. В это лето 1523 г. чума снова ударила в Париже по беднякам. Как писал в своей «Книге разума» тот же самый Версори, «смерть обратилась главным образом против бедных, так что парижских грузчиков, поденщиков, каковые до этой превратности были в Париже во множестве, осталось очень мало... Что до квартала Пти-Шан, то весь он был очищен от бедных людей, кои ранее жили там в большом числе»¹⁸⁵. Подобным же образом тулузский буржуа спокойно писал и 1561 г.: «Сказанный заразный недуг всегда набрасывается на бедных людей... Господь по милости своей этим изволит удовлетворяться... Богатые же принимают меры предосторожности»¹⁸⁶. Жан Поль Сартр имел основания написать: «Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и щадит богатых». В Савоие после окончания эпидемии богачи, прежде чем вновь поселиться в своих должным образом дезинфицированных домах, вселяют туда на несколько недель беднячку-«испытательницу», которая в качестве подопытной должна, рискуя собственной жизнью, проверить, устранена ли опасность¹⁸⁷.

¹⁸³ Pepys S. *The Diary*. Ed. Wheatley, 1897, V, p. 55-56.

¹⁸⁴ Montaigne M. *Les Essais*. Ed. Pléiade, 1962, p. 1018-1019

¹⁸⁵ Versoris N. *Livre de raison*. P.p. G. Fagniez, 1885, p. 23-24

¹⁸⁶ Ferrières E., цит. по: Caster G. *Le Commerce du pastel et de l'épicerie à Toulouse, 1450-756/1962*, p. 247.

¹⁸⁷ Sartre J.-P. «*Les Temps modernes*», octobre 1957, p. 696, note 15, Nicolas J. et R. *Op. cit.*, p. 123.

Чума также усиливает то, что мы назвали бы бегством с постов: эшевены, должностные лица, прелаты забывают о своих обязанностях. Во Франции парламенты бегут в полном составе — из Гренобля в 1467, 1589, 1596 гг.; из Бордо в 1471, 1585 гг., из Безансона в 1519 г.; из Ренна в 1563 и 1564 гг. И выглядит вполне естественным, когда в 1580 г. кардинал д'Арманьяк покидает свой город Авиньон, пораженный болезнью, и уезжает в Бедаррид, а потом в Сорг; и возвратится он в Авиньон лишь после десятимесячного отсутствия, когда всякая опасность исчезнет. Один авиньонский буржуа записывает в своем дневнике: «Он может сказать обратное сказанному в Евангелии — *Я пастырь и не знаю овец своих*»¹⁸⁸. Так что не станем задним числом обвинять мэра Бордо Монтеня, который во время эпидемии 1585 г. не возвратился на свой пост, или Франсуа Драгоне де Фогасса, богатого авиньонца итальянского происхождения, который в своих арендных договорах предусматривал возможность того, что ему придется, оставив город, поселиться у своих арендаторов (что он и делает в 1588 г. во время новой вспышки чумы). «В случае заразы каковой, не приведи Господь, они [арендаторы] обязуются предоставить мне комнату в доме... и я смогу поставить в конюшню своих лошадей для приезда и отъезда, а они обязуются предоставить кровать для меня»¹⁸⁹. Когда в Лондоне в 1664 г. объявилась чума, двор покинул город, направившись в Оксфорд; самые богатые со своими семьями, слугами и наспех собранным багажом поспешили сделать то же самое. В столице больше не было тяжб: «все законники были за городом», 10 тыс. домов было покинуто, двери и окна иных из них были забиты накрест сосновыми досками, а дома, обреченные болезни, — помечены красными крестами¹⁹⁰.

Подумать только, до какой степени рассказ Даниэля Дефо об этой последней лондонской чуме, излагаемый ретроспективно, в 1720 г., соответствует обычной схеме, однообразно повторявшейся тысячи раз: те же поступки (мертвецов «по большей части швыряют в телегу, как простой навоз»)¹⁹¹, те же предосторожности, то же отчаяние и та же социальная дискриминация¹⁹².

В современную эпоху ни одно заболевание, каковы бы ни были действительные опустошения от него, не влечет за собой подобного безумия и таких коллективных драм.

Так, посетим Флоренцию в обществе точного в своих описаниях мемуариста, который уцелеет от чумы 1637 г., по правде сказать самого большого приключения в его жизни. Читая его, видишь вновь забаррикадированные дома, закрытые для движения улицы, по которым ездит лишь служба, доставляющая продовольствие, или пройдет какой-нибудь священник, но чаще всего — безжалостные дозоры или, в виде исключения, проедет карета некоего избранного, которому было дано разрешение на какое-то время покинуть ограду собственного дома. Флоренция мертва: никаких дел, никаких религиозных служб, за исключением какой-нибудь случайной мессы, которую священник служит на перекрестке и в которой заточенные в домах тайком наблюдают из окон¹⁹³.

В «Милосердном капуцине» отца Мориса де Толона перечислены в связи с чумой в Генуе в 1656 г. необходимые предосторожности: не разговаривать с

¹⁸⁸ Stein H./In. *cit.*, p. 133

¹⁸⁹ Comte de Forbin. *Un gentilhomme avignonnais au XVIe siècle. François-Dragonnet de Fogasses, seigneur de la Bastié (1536-1599)*. — «Mémoires de l'Académie de Vaucluse», 2e série, IX, 1909, p.173

¹⁹⁰ Defoe D. *Journal de l'année de la peste, 1722*. Ed. Joseph Aynard, 1943, p. 24, 31, 32, 48, 66

¹⁹¹ 184 *ibid.*, préface, p. 23, цит. по: Grumble T. *La vie du général Monk*. 1672, p. 264.

¹⁹² См. по этому поводу прекрасную статью: Baehrel R. Epidémie et terreur: histoire et sociologie. — «Annales historiques de la Révolution française», 1951, № 122, p. 113-146.

¹⁹³ Venezia, Marciana, Ms. ital., HI, 4

подозрительным горожанином, стоя так, чтобы на тебя дул ветер с его стороны; жечь ароматические вещества для дезинфекции; стирать, а того лучше — сжигать одежду и белье подозрительных на заболевание; в особенности же молиться и, наконец, усилить полицию¹⁹⁴.

Представим себе на фоне этих замечаний Геную, богатейший город, подвергающийся тайному разграблению, ибо его богатые дворцы покинуты. А груды мертвецов скапливаются на улицах, и нет иного средства избавиться от этих трупов, как грузить их на лодки, которые выводят в открытое море, чтобы там сжечь. Могу признаться, что я, специалист по XVI в., давно уже удивлялся и все еще удивляюсь зрелищу зачумленных городов следующего столетия и их страшным потерям. Невозможно отрицать, что ситуация ухудшалась от века к веку. В Амстердаме чума царит ежегодно с 1622 по 1628 г.; итог — 35 тыс. умерших.

В Париже она присутствует в 1612, 1619, 1631, 1638, 1662 и в последний раз в 1668 г.¹⁹⁵. Заметьте, что с 1612 г. в Париже «насиленно забирали больных из их жилищ и свозили их в госпиталь св. Людовика и в больницу для умалишенных в Сен-Марсельском предместье»¹⁹⁶. В Лондоне чума повторялась пять раз с 1593 по 1664-1665 гг., унеся, как нам сообщают, в общей сложности 156 463 жертвы.

С XVIII в. наступит общее улучшение. И все же чума 1720 г. в Тулоне и Марселе будет на редкость

вирулентной. По словам историка, погибла добрая половина марсельских жителей¹⁹⁷. Улицы были полны «трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками»¹⁹⁸.

ЦИКЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Болезни появляются, то усиливаются, то ослабевают, иногда исчезают. Так обстояло дело с проказой, которая начиная с XIV и XV вв. была побеждена на нашем континенте, возможно, драконовскими мерами по изоляции больных. Притом довольно странно, но сегодня находящиеся на свободе прокаженные никогда не вызывают заражения. Так же было и с холерой, которая исчезает в Европе в XIX в.; с оспой, по-видимому, уже несколько лет как угасшей в мировом масштабе; с туберкулезом или сифилисом, блокированными на наших глазах чудом антибиотиков; однако будущее пока еще невозможно предсказать, ибо, как утверждают, сифилис снова проявляется сегодня с несомненной вирулентностью. И так же обстоит дело и с чумой, которая после долгой ремиссии VIII-XIV вв. вдруг резко вспыхнула с Черной смертью, начав новый чумной цикл, который пойдет на спад лишь в XVIII в.¹⁹⁹.

А на самом-то деле, не происходило ли это попеременное обострение и смягчение из-за того, что человечество долгое время жило изолированно, как бы разделенное между различными планетами, так что обмен болезнетворными носителями инфекций между такими «планетами_____» привел к катастрофическим неожиданностям в той мере, в какой каждая из групп человечества обладала специфической для нее сопротивляемостью (или чувствительностью) по отношению к этим патогенным агентам? Именно это с

¹⁹⁴ PeredeTolon M. *Préservatifs et remèdes contre la peste, ou le Capucin charitable*. 1668

¹⁹⁵ Предисловие Эйнара к кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 13.

¹⁹⁶ Fosseyeux M. *Les épidémies de peste à Paris*. — «*Bulletin de la Société d'histoire de la médecine*»; *Xl*, 1913, p. 119, цитируется Эйнаром в предисловии к кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 14.

¹⁹⁷ Carrière C., Courdurie M., Rebuffat F. *Marseille, ville morte. La peste de 1720*. 1968, p. 302

¹⁹⁸ 191 Письмо монсиньора Бельсэна, епископа Марсельского, от 3 сентября 1720 г., цитируется Эйнаром в кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 14

¹⁹⁹ Biraben J.-N. *Les Hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens*. 1976, II, p. 185

удивительной ясностью доказывает недавняя книга Уильяма Мак-Нила²⁰⁰. С того времени, как человек избавился от своей первичной животной сущности, с того момента, как он стал господствовать над остальными живыми существами, он по отношению к последним проявляет *макропаразитизм* хищника.

Неодновременно, будучи подвержен нападению бесконечно малых организмов — микробов, бактерий и вирусов, — он сам оказывается жертвой *микрoпаразитизма*. Не образует ли эта гигантская борьба, в сущности, историю людей? Она продолжается через посредство живых связей: патогенный элемент, могущий в определенных УСЛОВИЯХ просуществовать сам по себе, обычно передается от одного Живого организма другому. Человек, образующий цель для этой непрерывной бомбардировки, хотя и не единственную ее цель, приспособливается, вырабатывает антитела, добивается сносного равновесия с внедряющимися в него чужаками. Но это спасительное приспособление требует большого времени. Едва возбудитель болезни выходит из своей «биологической ниши» и наступает не болевшую до того, а значит, беззащитную человеческую группу, как происходит взрыв, вспыхивают катастрофически большие эпидемии. Мак-Нил полагает, и он, может быть, прав, что пандемия 1346 г.,

Черная смерть, поразившая всю или почти всю Европу, была следствием монгольской экспансии, которая привела к оживлению «шелкового пути» и облегчила движение патогенных элементов через Азиатский континент. И таким же образом, когда в конце XV в. европейцы создали единую сеть международных торговых обменов, доколумбова Америка, в свою очередь, подверглась убийственному воздействию неведомых ей болезней, пришедших из Европы. А взамен Европу поразил по меньшей мере трансформировавшийся сифилис; он даже в рекордное время достиг Китая: в первые годы XVI в., тогда как маис и батат, тоже «американцы» по происхождению, появятся там лишь в последние годы того же столетия²⁰¹. В более близкое к нам время, в 1832 г., такая же биологическая драма наблюдается при появлении в Европе холеры, пришедшей из Индии.

Но эти подъемы и спады болезней зависят не только от человека, его большей или меньшей уязвимости, большего или меньшего приобретенного иммунитета. Историки медицины без колебаний утверждают — и, я думаю, они целиком правы, — что каждый возбудитель заболевания имеет собственную историю, параллельную истории его жертв, и что эволюция болезней во многом зависит от изменения, порой от мутаций самих возбудителей. Отсюда и чередование сложных движений то в одну, то в другую сторону, и неожиданности — когда взрывы эпидемий, а когда продолжительные периоды дремоты или даже окончательного угасания. Из таких микробных или вирусных мутаций можно указать на хорошо известный сегодня случай с возбудителями гриппа.

Слово *грипп* со значением болезни, которая захватывает, зажимает в кулак, восходит, возможно, всего лишь к весне 1743 г.²⁰² Но грипп узнают (или считают, что узнали) уже в болезнях, объявившихся в Европе с XII в. Он окажется одной из тех болезней, которые, будучи ранее неизвестны в Америке, истребят индейцев.

Когда в 1588 г. грипп уложил (хотя и не скошил) все население Венеции — вплоть до того, что опустел Большой Совет, чего никогда не случалось во времена чумы, — его волна на этом не остановилась, она затем дошла до Милана, Франции, Каталонии, а потом и до Америки²⁰³. Грипп уже тогда был той

²⁰⁰ MacNeil W. H. *Le Temps de la peste. Essai sur les épidémies en histoire*. 1978.

²⁰¹ Ping-Ti Ho. *The introduction of American Food plants into China*. — «*American Anthropologist*», v. 57, april 1955, p. 194-197.

²⁰² Barbier E.J.F. *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV*. 1847, p. 176.

²⁰³ «Braudel F. *Médit...* I, p. 306

летучей, с легкостью превращающейся во всемирную эпидемией, какой он представляется ныне. 10 января 1768 г.

Вольтер писал: «Обходя вокруг света, грипп прошел через нашу Сибирь [т. е. через Ферне, возле Женевы, где он жил] и овладел моей престарелой и хилой особой». Но сколь же разные симптомы сопрягаются с этим названием «грипп»! Если касаться одних только великих эпидемий, то грипп-«испанка» 1918г., более смертоносный, чем первая мировая война, не похож на так называемый *азиатский* грипп 1957 г. В самом деле, существует несколько разных штаммов вируса, и если вакцины сегодня ненадежны, так это потому, что неустойчивый вирус гриппа претерпевает постоянную и быструю мутацию. Вакцины почти всегда запаздывают по сравнению с инфекцией. Дошло до того, что некоторые лаборатории по-прежнему пытались, чтобы ее опередить, заставить в лабораторных условиях мутировать *in vitro*²⁰⁴ вирус протекающего в данный момент гриппа и объединить в единой вакцине тех мутантов, у которых есть шансы соответствовать будущим формам гриппа! Гриппозный вирус, несомненно, особенно нестабилен, но разве нельзя себе представить, что некоторое число возбудителей заболеваний тоже со временем изменяется? Таким образом можно было бы, пожалуй, объяснить перевоплощения туберкулеза, то незаметного, то вирулентного. Или затихание бенгальской формы холеры, которую сегодня, по-видимому, вот-вот сменит холера, пришедшая с Сулавеси. Или появление новых и сравнительно недолговечных заболеваний вроде английской *просяной лихорадки* XVI в.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАРЫЙ ПОРЯДОК В ПРЕДЕЛАХ ДЛИТЕЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ (1400-1800)

Итак, в жизни людей продолжается не имеющая конца борьба по меньшей мере на два фронта: против скудости и недостатка питания — это «макропаразитизм» человека — и против подстерегающей его коварной и многоликой болезни. И в обоих этих планах человек эпохи Старого порядка постоянно пребывает в неустойчивом положении. Где бы он ни жил, до XIX в. он может рассчитывать лишь на краткий срок жизни, плюс несколько лет дополнительно для богатых. Имея в виду Европу 1793 г., один английский путешественник писал: «Несмотря на болезни, которые вызывают у них слишком обильное питание, недостаток физической активности и порок, они живут на десять лет дольше, чем люди низшего класса, поскольку последних раньше срока изнуряют работа и усталость, а их бедность не дает им приобрести то, что необходимо для поддержания их существования»²⁰⁵.

Эта отдельная демография богатых, довольно жалкое достижение, растворяется на уровне средних показателей. В XVII в. в Бовези от 25 до 33% новорожденных умирало в возрасте до одного года и лишь 50% доживали до 20 лет²⁰⁶. Жизнь кратка и ненадежна — в далекие годы прошлого об этом говорят тысячи деталей. «Никто не удивится, видя, как в 1356 г. юный дофин Карл (будущий Карл V) управляет Францией в 17 лет и умирает в 1380г. в возрасте 42 лет, имея репутацию мудрого старца»²⁰⁷. Коннетабль Анн де Монморанси,

²⁰⁴ Буквально — «в стекле» (лат.). Научно — «в культуре». — *Примеч. ред*

²⁰⁵ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 267.

²⁰⁶ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle*. 1960, p. 41.

²⁰⁷ Mollat M., цит. no: Perroy E. *Le Moyen Age*. 1955, p. 308-309.

умерший на коне в битве при Сен-Дени в 1567 г. в возрасте 74 лет, представляет исключение. 55-летний Карл V, когда он отрекается от престола в Генте в 1555 г., — уже старик. Его сын Филипп II, умерший в 1598 г. в возрасте 71 года, на протяжении 20 лет при любой тревоге, вызываемой его шатким здоровьем, порождает у своих современников самые большие надежды и самые страшные опасения.

Наконец, ни одна из королевских фамилий не осталась не затронутой ужасающей смертностью той эпохи. «Новое описание города Парижа» 1722 г. перечисляет имена принцев и принцесс, упокоившихся с 1662 г. в монастыре Валь-де-Грас, основанном Анной Австрийской; в большинстве своем это дети в возрасте нескольких дней, нескольких месяцев, нескольких лет²⁰⁸.

Можно себе вообразить, насколько более сурова была участь бедняков. В 1754 г. некий «английский» автор заметил: «Французские крестьяне не то что не зажиточны — они не располагают даже необходимым. Это тот род людей, который начинает чахнуть до сорокалетнего возраста из-за отсутствия возможности восстанавливать свои силы соответственно их затрате. Чувство человечности страдает при сравнении их с другими людьми, особенно же с нашими английскими крестьянами. Один внешний вид французских земледельцев говорит об истощении»²⁰⁹.

А что сказать о европейцах, живущих за пределами своего континента, которым претит «подчиняться обычаям стран, в коих они — пришельцы, и которые упрямо придерживаются там своих фантазий и пристрастий... из чего проистекает, что зачастую они находят там свою могилу»²¹⁰. Это рассуждение испанца Кореаля по поводу Портобельо повторна мнения француза Шардена или немца Нибура. Последний, говоря о высокой смертности англичан в Индии, приписывает ее прежде всего их ошибкам, избыточному потреблению мяса и «крепких португальских вин*», каковые те пьют в самые жаркие часы дня, их слишком облегающей одежде, изготовленной для Европы, — эту одежду он противопоставляет «широким и свободным» туземным одежаниям²¹¹. Но если Бомбей — «кладбище англичан», то в этом повинен в известной мере и климат города: он настолько убийствен, что пословица гласит: «Два муссона в Бомбее — вот и вся жизнь человека»²¹². В Гоа, городе удовольствий, где великолепно живут португальцы, в Батавии — другом городе наслаждений для европейца, ужасающая смертность оказывается оборотной стороной этого

галантного и расточительного существования²¹³. Суровые условия колониальной Америки были ничуть не лучше. По поводу отца Джорджа Вашингтона, Огастина, умершего в 49 лет, историк замечает: «Но умер он слишком рано. Чтобы преуспеть в Виргинии, нужно было пережить своих соперников, своих соседей и своих жен»²¹⁴.

²⁰⁸ Brice G. *Nouvelle description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable*. III, 1725, p. 120-123.

²⁰⁹ Nickolls J. *Remarques sur les désavantages et les avantages de la France et de la Grande-Bretagne*. 1754, p. 23.

²¹⁰ Cereal F. *Relation des voyages aux Indes occidentales*, 1736, I, p. 95; Niebuhr C. *Voyage en Arabie et en d'autres pays de l'Orient* 1780., II, p. 401; Chardin. *Voyage en Perse et aux Indes orientales*. 1686, IV, p. 46: «великие излишества с мясом и питьем смертельны в Индии» для англичан.

²¹¹ Grose J.H. *A voyage to the East Indies with observations of various parts there*. 1757, I, p. 33.

²¹² Ovington T. *A Voyage to Surat*. 1689, p. 87, цит. по: Spear P. *The Nabobs*. 1963, p. 5.

²¹³ Macartney G. *Op. cit.*, 1, p. 321. В командах кораблей Кука и Бугенвиля за время их стоянки в Батавии — «убийственной стране» — было больше умерших и больных, нежели за все остальное время их плавания. Abbe Prevost. *Supplement des voyages*. XX, p. 314 et 581.

²¹⁴ Fay B. *George Washington, gentilhomme*. 1932, p. 40.

То же правило действовало и для неевропейцев. В конце XVIII в. один путешественник заметил относительно сиамцев: «Невзирая на царящую среди сиамцев умеренность... не видно, чтобы они жили дольше», чем живут в Европе²¹⁵. О турках некий француз пишет в 1766 г.: «Хотя врачи и хирурги у турок и не обладали теми знаниями, какими обогатились за столетие [наши] медицинские и хирургические факультеты, по их собственным утверждениям, турки старятся, как и мы, когда им удается избежать ужасного бича чумы, которая ежегодно опустошает эту империю»²¹⁶. Осман-ага, турецкий толмач, живо, а порой и в стиле плутовского романа рассказавший нам о своей жизни в христианском мире (он выучил немецкий язык за время долгого пребывания в плену — в 1688-1699 гг.), был женат дважды. От первого его брака родились три дочери и пять сыновей, выжили только двое; от второго брака — трое детей, выжили двое²¹⁷.

Такова совокупность фактов, образующая тот биологический Старый порядок, о котором мы говорили: в целом это равные права жизни и смерти, очень высокая детская смертность, голодовки, хроническое недоедание, мощные эпидемии. Давление этого порядка едва смягчается во времена подъема в XVIII в., разумеется, по-разному, в зависимости от места. Лишь определенная часть Европы, даже не вся Западная Европа, начинает от него освобождаться.

Весь этот прогресс протекает медленно. Мы, историки, рискуем, говоря о нем, представлять его сверх меры ускоренным. Весь XVIII в. еще отмечен резкими подъемами смертности. Так было в той же самой Франции, о чем мы уже говорили; такие подъемы видны и по средним за десятилетия цифрам для Бремена — с 1709 по 1759 г. смертность постоянно была выше рождаемости. В Кенигсберге, в Пруссии, число смертей с 1782 по 1802 г. составляло в среднем 32,8%, но достигало 46,5 в 1772 г., 45 — в 1775 г. и 46% в 1776 г.²¹⁸.

Вспомните о все повторяющемся трауре в семье Иоганна Себастьяна Баха... И. П. Зюсмилх, создатель социальной статистики, вновь пишет об этом в 1765 г.: «В Германии... крестьянин и бедняк умирают, ни разу не воспользовавшись каким бы то ни было лекарством. Никто и не помышляет о врачах — отчасти потому, что он слишком далеко, отчасти же... потому, что он слишком дорог...»²¹⁹. Такая же картина и в это же время в Бургундии: «Хирурги живут в городе и не выезжают оттуда даром». В Кассэ-ле-Витто посещение врача и лекарства стоят около 40 ливров, и «несчастливые жители предпочитают ныне скорее погибнуть, чем приглашать на помощь хирургов»²²⁰.

Вдобавок к этому женщины страшно подвержены смертности из-за частых родов. И тем не менее, хотя мальчики рождаются в большем числе, нежели девочки (еще сегодня соотношение равно 102 к 100), из всех цифр, какими мы располагаем начиная с XVI в., явствует, что женщин больше, чем мужчин, в городах и даже в деревне (с несколькими исключениями, к числу которых относились одно время Венеция, а позднее — Санкт-Петербург). Деревни

²¹⁵ Abbé Prévost. *Op. cit.*, IX, p. 250 (со ссылкой на рассказ Ла Лубера).

²¹⁶ Flachet J.-C. *Observations sur le commerce et les arts d'une partie de l'Europe, de l'Asie, de l'Afrique*. 1766, I, p. 451

²¹⁷ Дневник Осман-аги, изданный Р. Кройтелем и О. Шписом под названием «*Der Gefangene der Gaiitren ...*» (1962, p. 210-211).

²¹⁸ Keyser E. *Bevolkerungsgeschichte Deutschlands*, 1941, S. 381. Как правило, демографический рост городов происходил не эндогенным путем. См.: Sombart W. *Der moderns Kapitalismus II*, S. 1124

²¹⁹ Susmilch J.P. *Die Gottliche Ordnung in den Veranderungen des menschlichen Geschichts*. 1765, 1, 5. 521

²²⁰ Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime*. 1960, p. 545

Кастилии, в которых в 1575 и 1576 гг. проводились обследования, все насчитывали повышенный процент вдов²²¹.

Если бы потребовалось обобщить главнейшие черты этого Старого порядка, то важно было бы, без сомнения, подчеркнуть его способность к компенсации в течение кратковременных циклов, столь же мощных, если и не столь же быстрых, как те неожиданные удары, какие обрушиваются на живущих. В долгосрочном плане компенсация происходит незаметно, но в конечном счете ей принадлежит последнее слово. Отлив никогда не уносит полностью то, что принес предшествовавший прилив. Этот долгосрочный подъем, трудный и удивительный, представляет триумф количества, от которого столько зависело.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПРОТИВ СЛАБЫХ ЧИСЛОМ

Количество разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес, с самого начала, или почти с самого начала, определяет его уровень культуры и его действенность, ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу его заболеваний и сопротивления им густое население Китая, Индии, Европы — это огромные резервуары болезней, действующих или дремлющих, всегда готовых распространиться.

Но количество давит и на взаимоотношения живых масс между собой, на те отношения, которые характеризуют не только мирную историю людей — обмена, торговлю, — но и бесконечную историю их войн. Можно ли закрывать на это глаза в книге, посвященной материальной жизни? Война — это многообразная деятельность, она присутствует всегда, даже на «нулевом уровне» истории. Итак, количество заранее намечает ее очертания, силовые линии, повторения, очевидную ее типологию. В борьбе, как и в повседневной жизни, шансы отнюдь не у всех равны. Количество почти безошибочно разделяет группы людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в смысле их нормальных возможностей и шансов на успех в данный момент. Несомненно, в этой области, как и в других, имеет значение не только количество. На войне, как и в мирное время, очень значителен вес техники. Но техника, если она и не дает преимуществ всем многочисленным группам населения в равной степени, все же всегда есть порождение численности. Человеку XX в. эти утверждения кажутся самоочевидными. Для него численность — это цивилизация, это мощь, это будущее. Но можно ли было так сказать вчера? На ум приходит множество примеров, сразу же заставляющих утверждать противное. Каким бы парадоксальным это ни казалось — а именно так представлялось дело Фюстель де Куланжу, когда он рассматривал судьбы Рима и Германии накануне вторжений варваров²²², — иногда выигрывает более грубый и менее многочисленный, или же *кажется, что он выигрывает*, как то покажет Г. Дельбрюк, подсчитав смехотворно малую численность варваров, победивших Рим²²³.

ПРОТИВ ВАРВАРОВ

Когда цивилизации проигрывают или по видимости проигрывают борьбу, победителем всегда предстает «варвар». Так принято говорить. Для грека варвар — это любой негрек; для китайца — любой некитаец; а совсем еще недавно основным оправданием европейской колонизации было несение «цивилизации» варварам и первобытным народам. Конечно же именно цивилизованные создали

²²¹ Согласно публикациям К. Виньяса и Р. Паса: Vifias C., Paz R. *Relaciones de los pueblos de Espana*. 1949-1963

²²² Fustel de Coulanges N.-D. *L' invasion germanique et la fin de l'Empire*, 1891, II, sq p. 322

²²³ Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen derpolitischen Geschichte*. 1900, I, S. 472

варвару репутацию, которую он заслужил разве что наполовину. Однако никто не заставит нас кинуться в другую крайность и буквально воспринимать хвалебные речи [турецкого) историка Решида Сафета Атабинена об Аттиле²²⁴.. Но что наверняка следует пересмотреть, так это миф о силе варваров. Всякий раз, когда варвар одерживает верх, это случается оттого, что он уже больше чем наполовину цивилизовался. Он всегда долго пребывал в приходе и, прежде чем проникнуть в дом, десять раз стучался в двери. Он если и не усвоил в совершенстве цивилизацию соседа, то по меньшей мере всерьез около нее потерся.

Именно это доказывает классический пример германцев в их отношениях с Римской империей в V в.; но об этом же говорит и история арабов, тюрков, монголов, маньчжур, татар, ее однообразные повторы. Тюрки и туркмены были главным образом перевозчиками, караванщиками на путях из Центральной Азии к Каспию и в Иран. Они посещали часто соседние цивилизованные области и нередко бывали ими поглощены целиком.

Монголы Чингисхана и Хубилая, едва только отошедшие от своего шаманизма (а то и сохранившие верность ему), не производят впечатления грубых варваров. И вот их вскоре привлекает на чостоке китайская цивилизация, а на западе — миражи ислама; кочевники испытывают раздвоенность и порывают со своей прежней судьбой. Маньчжуры, которые в 1644 г. завоюют Пекин, а затем и весь остальной Китай, — народ смешанного состава. Среди них многочисленны монгольские элементы, но и китайские крестьяне уже очень рано проникали в Маньчжурию, за Великую Китайскую стену. Маньчжуры — это, если угодно, варвары, но уже заранее китаизированные, подталкиваемые к завоеванию экономическими и социальными смутами в огромном Китае; эти смуты как бы осуществляют дистанционное управление завоевателями.

А главное — варвар торжествует лишь в кратковременном плане. Очень скоро его поглощает покоренная цивилизация. Германцы «варваризовали» империю, а затем растворились в странах виноделия²²⁵. Тюрки с XII в. превратились в знаменосцев ислама. Монголы, а потом маньчжуры исчезли в массе китайцев. Ворота завоеванного дома захлопываются за варваром.

ПОСТЕПЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «ЧИСТЫХ» КОЧЕВНИКОВ ДО XVII ВЕКА

Надлежит еще заметить, что «варвары», которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам лежащих в центре Старого Света пустынь и степей. И *только* Старый Свет знал эту исключительную категорию в составе человечества. Цепь этих засушливых и обездоленных областей, протянувшаяся от Атлантики до прибрежных морей Тихого океана, образует бесконечной длины запальный шнур. При малейшей искре он воспламеняется и сгорает по всей своей длине. Когда у этих коневодов или верблюдеводов, которые так же суровы к самим себе, как и к прочим, начинаются столкновения, наступает засуха или демографический подъем, это побуждает кочевников покинуть свои пастбища и вторгнуться к соседям. По мере того как проходят годы, последствия этого движения сказываются за тысячи километров.

В эпоху, как бы олицетворяющую медлительность, эти люди представляют самую быстроту, самую неожиданность. На границах Польши любая тревога, которую еще в XVII в. регулярно вызывает всякая угроза со стороны татарской конницы, почти немедленно предопределяет созыв массового ополчения. Нужно вооружить крепости, наполнить склады, обеспечить боеприпасами пушки (если еще есть

²²⁴ Saff et Atabinen Rechid. *Contribution à une histoire sincère d'Anita*. 1934

²²⁵ Pirenne H. *Les Villes et les institutions urbaines*. 1939, 1, p. 306-307.

время), собрать конников. установить заграждения между крепостями. Если, как бывало лч> \иш жество раз, вторжение удастся — скажем, через горы и многочисленные пустые пространства Трансильвании, — оно обрушивается на села и города таким бедствием, с которым не сравнить даже турок. Эти, по крайней мере, имеют обыкновение уводить войска накануне зимы, после праздника св. Георгия. Татары же остаются на месте, зимуют здесь со своими семьями и разоряют страну до основания²²⁶.

А ведь эти картины, ужас которых передают нам западные газеты тех времен, — ничто по сравнению с великими завоеваниями кочевников, покорявших Китай или Индию. У Европы было преимущество — она избежала этих завоеваний, несмотря на запечатлевшиеся в памяти отдельные эпизоды (гуннов, аваров, венгров, монголов). Ее прикрыли собой народы Востока, их беды сберегли ее спокойствие.

Сила кочевников заключалась и в беспечности, в относительной слабости людей, которые удерживали рубежи на подступах к цивилизованным областям. Так, Северный Китай, слабо заселенный до XVIII в., — это пустое пространство, куда проникает любой желающий. В Индии мусульмане очень рано, с X в., завладели Пенджабом; и с этого времени ворота страны на путях в Иран и к Хайберскому проходу так и не закрывались. В Восточной и Юго-Восточной Европе надежность заграждений в разные века бывала разной. Именно посреди такой беспечности, таких слабостей и такой порой неэффективной бдительности и движется кочевой мир. Физические законы толкают кочевников когда на Запад, когда на Восток, в зависимости от того, где встречает меньше сопротивления их взрывчатое существование, то в Европу, то в сторону стран ислама, Индии или Китая. Классическая работа Э. Фютера отмечает в 1494 г. существование зоны циклона, огромный приток воздуха в Италию, раздробленную между государями и городскими республиками: всю Европу притягивает эта область низкого давления, порождающего бури²²⁷..

Точно так же ураганный ветер увлекает степные народы, упорно толкая их на Восток или на Запад по линиям наименьшего сопротивления. Так, минский Китай в 1368 г. изгнал монголов и сжег их главный центр — Каракорум в пустыне Гоби²²⁸.. Но за этой победой последовал долгий период инерции, которая предопределила возвращение кочевников на восток. Пустое пространство, образовавшееся в итоге продвижения их первых волн, обнаруживало тенденцию привлекать к себе новых кочевников, которые продвигались все дальше и дальше с запада, с разрывом в год, два года, 10, 20 лет. Ногаи переправились через Волгу в восточном направлении около 1400 г., и это стало началом медленного изменения направления движений народов в Европе, Народы, которые более двух веков выплескивались на запад, в хрупкую Европу, с этого времени на протяжении двух или трех столетий стали двигаться на восток, привлекаемые слабостью далекого Китая. Наша карта обобщает картину этого переворота: решающими его эпизодами станут ошеломляющее завоевание Северной Индии

Бабуром в 1526 г. и взятие Пекина маньчжурами в 1644 г. Ураган еще раз обрушился на Индию и Китай.

В итоге Европа на западе вздохнула с облегчением. Если русские взяли в 1551 и 1556 гг. Казань и Астрахань, то произошло это не только благодаря пороху и пищалям. Наметилось ослабление давлениа кочевников на юге России, и это облегчило продвижение русских в черноземные области Поволжья, Дона и

²²⁶ «Gazette de France», 1650,

²²⁷ Fueter E. *Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492-1559* 1919 S. 1sq.

²²⁸ Подробности см.: Kulischer A. et E. *Kriegs- und Wanderzuge. Weltgeschichte als Vo/kerbewegung*. 1932

Днестра. При этом древняя Московия теряла часть своих крестьян, которые бежали из-под тяжелой власти господ. А на эти покинутые земли в свою очередь приходили крестьяне из Прибалтики и Польши, пустые же пространства, оставшиеся после них, в свое время заполнили выходцы из Бранденбурга или Шотландии. В общем, это своего рода эстафета; именно такой видят эту молчаливую историю, это перемещение от Германии до Китая с его подводными течениями, как бы скрытыми под кожей исторического процесса, два великолепных историка — Александр и Ойген Кулишеры.

Позднее завоевание Китая маньчжурами завершится к 80-м годам XVII в. установлением нового порядка.

Крепко удерживаемый и защищаемый Северный Китай начинает заселяться вновь под прикрытием спасительного продвижения в Маньчжурию, откуда пришли победители, затем в Монголию, Туркестан, в Тибет. Русские, которые беспрепятственно заняли Сибирь, натолкнутся на сопротивление китайцев вдоль течения Амура и вынуждены будут заключить 7 сентября 1689 г.

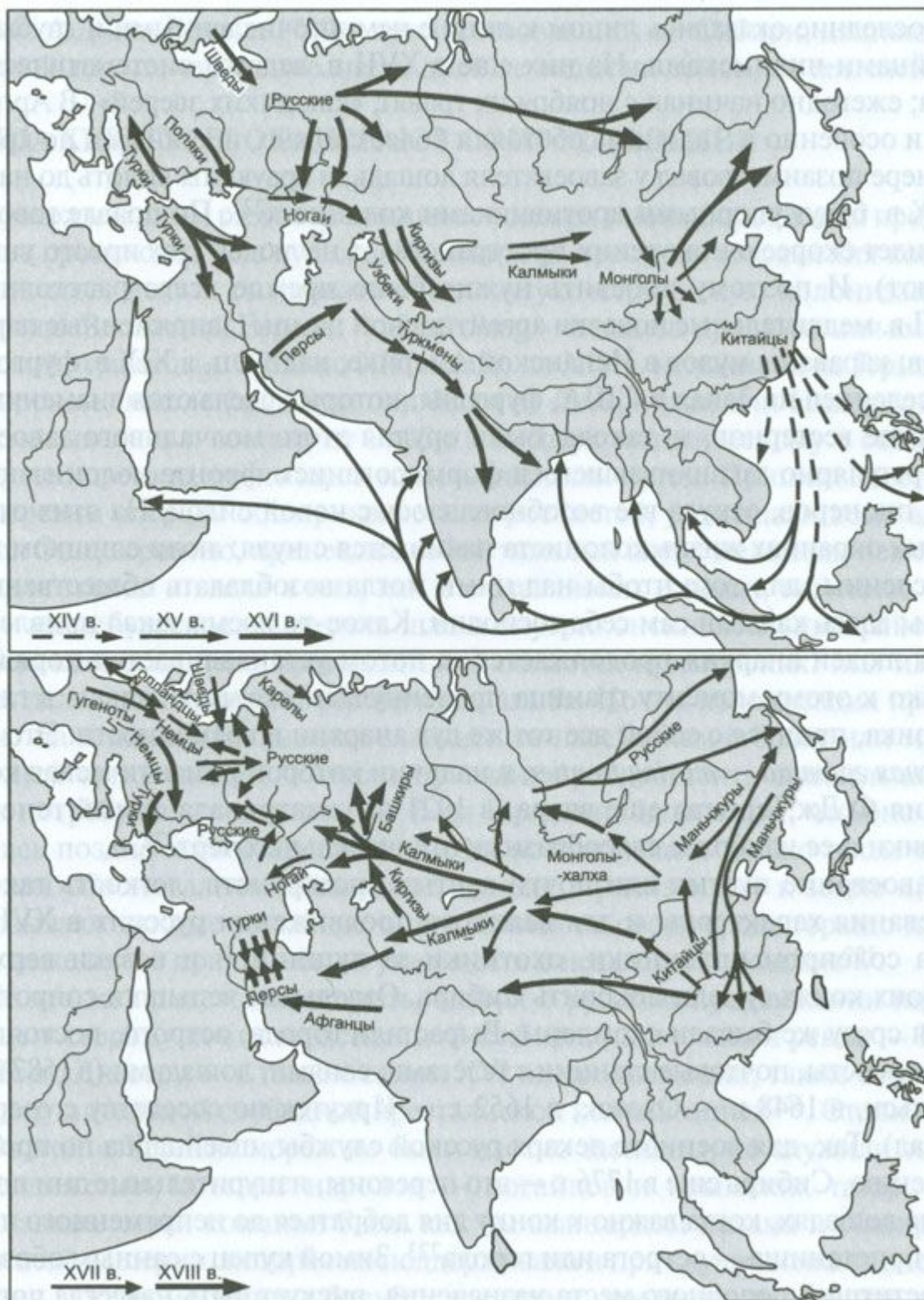
Нерчинский договор С этого времени китайцы продвинулись от Великой стены вплоть до областей, лежащих по соседству с Каспийским морем. Но даже еще до этих успехов многоликий мир пастухов двинулся в обратный путь на запад, пройдя в противоположном направлении узкие Джунгарские ворота - классическое «горлышко» всех миграций между Монголией и Туркестаном. Однако на сей раз его поток не встретит распахнутых ворот. На западе он натолкнется на новую Россию - Россию Петра Великого, на крепости укрепления и города Сибири и Нижнего Поволжья. Вся русская литература последующего столетия полна рассказами об этих постоянных стычках Фактически на этом и завершается «большая судьба» кочевников Порох и пушки одержали верх над их быстротой, еще до окончания XVIII в.

Цивилизации одержали победу в Пекине, как и в Москве, в Дели как и в Тегеране (после острой тревоги, вызванной здесь афганскими завоеваниями). Кочевники, обреченные оставаться у себя дома, предстанут тем, что они есть, - бедными группами человеческих существ, поставленными на место и смирившимися с этим. В целом же речь идет об исключительном случае - случае длительного паразитизма, который однако, безвозвратно миновал. Случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс.

ЗАВОЕВАНИЕ ПРОСТРАНСТВ

Впрочем, обычное правило заключается в том, что цивилизации выигрывают игру. Они одерживают верх над «культурами», над первобытными народами; они овладевают и пустым пространством. В последнем случае самом для них выгодном, цивилизациям приходится строить все' но именно в этом заключалась большая удача европейцев на трех четвертях пространства Америки, русских в Сибири, англичан в Австралии и Новой Зеландии. Какой «удачей» было бы для белых, если бы в Южной Африке до буров и англичан не появились негры!

В Бразилии с появлением португальца первобытный индеец исчезает-он уступает тому место. Паулистские экспедиции - *бандейры (bandeiras)* продвигаются почти что в пустоте: меньше чем за столетие искатели приключений, отправляющиеся из Сан-Паулу в погоне за рабами, драгоценными камнями и золотом, пройдут половину Южноамериканского континента - от Рио-де-ла-Платы до Амазонки и Анд, - не освоив ее Им не оказывали сопротивления до тех пор, пока иезуиты не создали свои индейские резервации, которые *paulistas* будут без стеснения грабить

Миграции в Евразии (XIV-XVIII вв.)

Противоречие между двумя картами очевидно: на первой миграции по суше происходят с запада на восток, на второй — с востока на запад. Обратите внимание на первой карте на морскую экспансию китайцев, столь значительную в начале XV в., и на совпадение сухопутных миграций, направленных в сторону Индии и Китая. На второй карте заслуживает быть отмеченным умиротворение страны маньчжурами в XV111 в. (взятие Пекина в 1644 г.), вызвавшее широкую экспансию Китая на континенте и остановку продвижения русских. Кочевники отброшены к западу и в Европейскую Россию. (По данным Александра и Ойгена Кулишеров.)

Такой же процесс происходит и при продвижении французов или англичан в Северной Америке или испанцев на пустынном севере Мексики где последние оказались лицом к лицу с немногочисленными и грубыми индейцами-чичимеками. На них еще в XVII в. ведется систематическая охота; ежегодно начиная с ноября их травят, «как диких зверей». В Аргентине и особенно в Чили дела обстояли более сложно, ибо индеец по крайней мере позаимствовал у завоевателя лошадь, и арауканы вплоть до начала XX в. будут упорными противниками колониста²²⁹. По правде говоря, речь идет скорее о покорении пространства, а не людей (тех просто уничтожают). И поэтому победить нужно было прежде всего расстояния. В XVI в. медлительные повозки аргентинской пампы, запряженные парой быков; караваны мулов в Испанской Америке; наконец, в XIX в. фургоны переселенцев на Запад в США, фургоны, которые сделаются знаменитыми после вестернов, — таковы были орудия этого молчаливого завоевания, регулярно заканчивавшегося формированием фронта колонизации, зоны пионеров, откуда все возобновлялось с новой силой. На этих отдаленных окраинах жизнь колониста начинается с нуля: люди слишком малочисленны, для того чтобы над ними могла возобладать общественная жизнь; здесь каждый сам себе господин. Какое-то время такая привлекающая людей анархия продолжается, а потом устанавливается порядок. Однако к этому моменту граница продвинулась уже чуть дальше в глубь материка, принеся с собой все тот же дух анархии и временности. Это *подвижная граница* — *moving frontier*, в наличии которой романтическая концепция Ф.Дж.Тернера еще вчера, в 1921 г., усматривала самый генезис Америки и ее наиболее своеобразных отличительных черт²³⁰.

Завоевание пустых или почти пустых пространств, легкость и бытность завоевания характерны и для великого продвижения русских в XVI н., когда солепромышленники, охотники за пушниной и казаки верхом на своих конях сумели покорить Сибирь. Отдельные вспышки сопротивления сразу же бывали сломлены. Вырастали города, остроги, постоянные дворы, мосты, почтовые станции с телегами, санями, лошадьми (в 1587 г. — Тобольск, в 1648 г. — Охотск, в 1652 г. — Иркутск по соседству с озером Байкал). Так, для военного лекаря русской службы, швейцарца по происхождению, Сибирь еще в 1776 г. — это перегоны, изнурительные дни поездок на лошадях, когда важно к концу дня добраться до неперемного ночного пристанища — острога или города²³¹. Зимой купец с санным обозом, не достигший подобного места назначения, рискует быть навсегда погребенным под снегом вместе со своими людьми, животными и товарами. Медленно складывается сеть дорог и городов. Русские землепроходцы добрались в 1643 г. до бассейна Амура, в 1696 г. они обследовали огромный полуостров Камчатку, а в следующем столетии достигли Аляски, где русские колонисты обосновались в 1799 г. Это было быстрое, хотя и хрупкое — но оттого тем более заслуживающее восхищения — мирное завоевание. Беринг, сделавший Охотск базой своих исследовательских плаваний, в 1726 г. нашел в этом укреплении лишь несколько русских семей. А Джон Белл, в 1719 г. путешествовавший по Сибири, двигаясь по главной дороге, «в течение шести дней не видел ни домов, ни жителей»²³².

²²⁹ Kotzebue O. *Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26*. 1830, I, S. 47.

²³⁰ Turner F.J. *The Frontier in American History*. 1921

²³¹ Kirchner W. *Eine Reise durch Sibirien*. 1955 (Рассказ о путешествии врача Якоба Фриса).

²³² Bell J. *Travels from St. Petersburg to diverse parts of Asia*. 1763; 1, p. 216 [см.: *Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли*, ч. 1-3, Спб., 1776. — *Ред.*]

КОГДА КУЛЬТУРЫ ОКАЗЫВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Все усложняется, и разговор принимает совсем иной оборот, когда продвижение происходит не в пустоте. Несмотря на яростные возражения компаративистов, нельзя смешивать пресловутую «германскую колонизацию» в странах Восточной Европы — *Ostsiedlung*— и подвиг продвижения американской «границы». С XII по XIII и даже по XIV в. колонисты из Германии в широком смысле (зачастую они были из Лотарингии или Нидерландов) обосновывались к востоку от Эльбы благодаря политическому и социальному поощрению, равно как и насильственным путем. Пришельцы ставили деревни посреди обширных лесных рощистей, размещали дома вдоль дорог. Они, вероятно, принесли с собой тяжелый плуг с железным лемехом, создали города и ввели в них, как и в славянских городах, немецкое право — магдебургское, если речь шла о внутри континентальных районах, любекское, если дело происходило в областях приморских. Мы имеем здесь дело с движением огромного масштаба. Но эта колонизация происходит на землях, уже занятых славянским населением с более или менее прочной организацией, которая призвана противостоять пришельцам и, если потребуется, поглотить их. Беда Германии была в том, что она сложилась поздно и свое продвижение на восток начала только после того, как там обосновались славянские народы, привязанные к земле и, как доказывают данные раскопок, опирающиеся на свои города гораздо прочнее, нежели это принято было утверждать в недалеком прошлом²³³.

И это же придется повторить, говоря о русском продвижении на сей раз не в сторону почти незаселенной Сибири, но к южным рекам — Волге, Дону, Днестру, — в том же самом XVI в., продвижении, также отмеченном внушительной свободной крестьянской колонизацией²³⁴. Степи между Волгой и Черным морем не были плотно заселены, но служили зоной передвижения кочевых народов — ногайцев и крымских татар. Эти внушавшие страх конники были как бы авангардом ислама и обширной Турецкой империи, которая их поддерживала и при случае толкала вперед. Турция даже помогла им в борьбе с русскими, предоставив огнестрельное оружие, которого не было у защитников Казанского и Астраханского ханств²³⁵. Так что пренебрегать этими противниками не следовало. Во время набегов татары доходили до самой Трансильвании, Венгрии, Польши, вторгались в Московское царство, которое они жестоко разоряли. Во время одного из своих набегов, в 1572 г., татары захватили Москву^{236*}. Славянских — русских и польских — пленников регулярно будут продавать на невольничьих рынках Стамбула. Известно также, что в 1696 г. Петр Великий потерпел неудачу в своей попытке «открыть окно» в Черное море^{237*} и что эта неудача была исправлена лишь сто лет спустя Екатериной II. Тем не менее это не означало удаления татар: они останутся на месте и далее.

Впрочем, русская крестьянская колонизация была бы немислима без крепостей, без засечной черты и без помощи бегущих от закона казаков. Как конные воины, они способны были оказать сопротивление исключительно подвижному противнику. Обладая ладьями, они поднимались и спускались по

²³³ О начальном этапе этих раскопок см.: Hensel W., Gieysztor A. *Les Recherches archeologiques en Pologne*. 1958, p. 48, 66

²³⁴ Nolde B. *La Formation de l'Empire russe*. 1 vol., 1952

²³⁵ Braudel F. *Méditerranée*. I, p. 175

²³⁶ Москва была сожжена татарами в мае 1571 г., а в 1572 г. они были разбиты русскими войсками в сражении при Молодях. *Примеч. ред.*

²³⁷ Петр I потерпел неудачу под Азовом в 1695 г., а в 1696 г. Азов был взят русскими войсками. Подлинной же неудачей закончился Прутский поход 1711 г. — по условиям мира с Турцией Россия возвращала Азов и ликвидировала крепости на побережье Азовского моря и Днепра (Таганрог, Каменный Затон и др.). — *Примеч. ред.*

рекам, перетаскивая челны волоком с одного плеса в другой; так, около 1690 г. казаки в числе 800 человек перетаскивали свои челны с Дона на Волгу, преследуя калмыков. А как мореходы, они на своих «чайках», снабженных парусом, с конца XVI в. занимаются морским разбоем в Черном море²³⁸. Так что в этом краю современная Россия строилась не на пустом месте, точно так же как не без усилий и не без неожиданностей придется ей продвигаться в XIX в. на Кавказе и в Туркестане, вновь противостоя исламу.

Наши объяснения можно было бы подкрепить и другими примерами. Так было, например, при запоздалой и эфемерной колонизации Черной Африки европейскими державами в XIX в. или при завоевании испанцами Мексики и Перу: эти хрупкие цивилизации, а по существу — культуры, рухнули под нажимом всего нескольких человек. Однако сегодня эти страны вновь становятся индейскими или африканскими. Культура — это цивилизация, которая не достигла своей зрелости, своего социального оптимума и не обеспечила своего роста. А тем временем — и время это может затянуться — соседние цивилизации эксплуатируют ее множеством способов; и это естественно, хотя и отнюдь не справедливо. Пусть читатель вспомнит о знакомой нам с XVI в. торговле на побережье Гвинейского залива. Она представляет типичный пример такой экономической эксплуатации, какими полна история. На побережье Индийского океана кафры Мозамбика утверждают, что если обезьяны «не говорят, так это потому, что они боятся, как бы их не заставили работать»²³⁹. Но сами эти люди имели несчастье говорить, покупать хлопковые ткани, продавать золотой песок... Действия сильных всегда очень просты, всегда одни и те же. Ничем не отличалось в этом смысле поведение финикийцев и греков в их факториях и колониях. Так же вели себя арабские купцы на Занзибарском берегу начиная с XI в.; венецианцы и генуэзцы в Кафе или в Тане в XIII в.; или же в Индонезии — китайцы, для которых страна была рынком золотого песка, пряностей, перца, невольников, ценного дерева и ласточкиных гнезд еще до XIII в. На хронологическом «пространстве» этой книги тучи китайских перевозчиков, купцов, ростовщиков и перекупщиков эксплуатируют «колониальные» рынки. И я сказал бы, что именно в силу широкого размаха и легкости этой эксплуатации Китай остался, невзирая на свой интеллектуальный потенциал и на свои открытия (бумажные деньги, например), столь мало предприимчивым, столь мало современным в смысле развития капитализма. Ему многое доставалось чересчур легко...

От рынка до колонии всего один шаг. Достаточно того, чтобы эксплуатируемый стал хитрить или протестовать: завоевание не заставит себя ждать. Но все же доказано, что культуры, полумцивилизации (это слово приложимо даже к крымским татарам) отнюдь не противники, которые не заслуживают внимания. Их устраняют, а они появляются снова, упорно стремясь выжить. Отнять у них будущее навсегда не удается.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда же цивилизации сталкиваются друг с другом, происходят драмы, и современный мир еще не освободился от них. Так, какая-то одна цивилизация может одержать верх над какой-то другой: именно это стало трагедией Индии после победы англичан при Плесси в 1757 г., оказавшейся началом новой эры для Англии и для всего мира. Не в том дело, что Плесси, вернее, Паласси, возле современной Калькутты, было победой, в чем-то исключительной. Без

²³⁸ Braudel F. *Méditerranée*... I, p. 100-101 et note.

²³⁹ Gemelli Careri G.F. *Op. cit.*, III, p. 166.

бахвальства можно сказать, что Дюплекс или Бюсси^{240*} справились бы ничуть не хуже. Но Плесси имело колоссальные последствия, и как раз по этому и узнаются великие события: у них бывает продолжение. Точно так же абсурдная опиумная война 1840—1842 гг. положила начало веку «неравенства» для Китая, который оказался в колониальной зависимости, не будучи колонией. А что касается мира ислама, то в XIX в. он терпит крушение, если исключить Турцию, да и то с оговорками... Но Китай, Индия, мир ислама в разных его частях вернули себе независимость в ходе цепного процесса деколонизации после 1945 г. Вот что при ретроспективном взгляде придает этим бурным событиям в глазах современного человека характер эпизодов, какой бы ни была их длительность. Они занимают свои места более или менее быстро. А затем в один прекрасный день рушатся, как театральные декорации

Вся эта упрощенная картина исторических судеб, сведенная к одному и тому же уровню, развивается отнюдь не целиком под знаком количества, простой игры сил, разности потенциалов или простопритяжения. Но на протяжении веков количество сказало свое слово. Не будем забывать об этом.

Материальная жизнь находит в этом одно из своих верных объяснений, точнее сказать, одну из своих принудительных границ и своих констант. Если забывать о роли войны, сразу же стирается весь социальный, политический и культурный (религиозный) пейзаж. И сами-то обмены утрачивают смысл, ибо зачастую это неравные обмены. Европу не понять без ее рабов и подчиненных ей экономик. Как не понять и Китай, если не напомнить о существовании внутри страны диких культур, которые ему противостояли, а вдали от него — стран, которые жили в его орбите и под его игом. Все это имеет значение в балансе материальной жизни.

В заключение скажем, что мы пользовались числами, чтобы нарисовать в первом приближении дифференцированную картину судеб мира между XV и XVIII вв. В ней люди разделялись на крупные массы, которые перед лицом нужд своей повседневной жизни были вооружены столь же неодинаково, как и разные группы внутри того или иного общества. Так мы представили в масштабах земного шара всех коллективных действующих лиц, с которыми будем встречаться на последующих страницах. И они еще ярче предстанут перед нами во 2-м томе, посвященном преобладающим чертам экономической жизни и капитализму, которые, несомненно, еще резче, чем материальная жизнь, разделяют мир на развитые и отсталые регионы в соответствии с классификацией, знакомой нам по драматическим реальностям современного мира.

---

²⁴⁰ Дюплекс Жозеф-Франсуа (1697-1763) — губернатор французских владений в Ост-Индии в 1741-1754 гг.

Бюсси (Бюсси-Кастельно) Шарль (1720-1785) — французский колониальный администратор в Индии в 1741-1760 и 1781-1783 гг. Имеется ввиду, что французские колониальные администраторы в принципе могли бы одержать военную победу, аналогичную одержанной при Плесси губернатором британских владений в Индии Робертом Клайвом (1725-1774). — *Примеч. ред*